

И.С.Свенцицкая

Запрещенные евангелия

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1965

В состав Нового завета, священной книги христиан, входят четыре евангелия.

Однако известно, что в первые века нашей эры существовали многие десятки евангелий, которые в тех или иных христианских общинах считались священными. Зачастую они сильно отличались друг от друга. Христианская церковь, чтобы прекратить разноречивое толкование жизни мифического Христа и его вероучения, отобрала наиболее схожие евангелия и объявила их боговдохновенными, исходящими от самого бога. Остальные евангелия были отвергнуты и получили названия апокрифов, т. е. тайных, запрещенных.

В брошюре кандидата исторических наук И. С. Свенцицкой на основе анализа документальных материалов показана действительная картина возникновения евангельской литературы. Некоторые исторические факты, относящиеся к периоду зарождения христианства, впервые освещаются в советской научно-популярной литературе.

Брошюру с пользой прочтут пропагандисты, преподаватели и студенты вузов и техникумов, все, кто интересуется историей христианства.

Ваши отзывы и пожелания посылайте по адресу: Москва, А-47, Миусская пл., д. 7, Политиздат, редакция научно-атеистической литературы.

КАНОНИЧЕСКИЕ СВЯЩЕННЫЕ КНИГИ И АПОКРИФИЧЕСКИЕ ЕВАНГЕЛИЯ

Священные книги христиан

Библия

Христианская религия возникла в первые века нашей эры в Римской империи. Первоначально основы христианского вероучения зародились внутри секты¹ иудейской религии. Но постепенно христианство распространилось по всей империи, а в IV в. н. э. римские императоры признали его единственной религией в государстве. В течение почти всего средневековья христианство было господствующей идеологией в странах Европы. По учению христианской церкви, как оно существует и по сей день, бог послал на землю своего сына Иисуса Христа, чтобы тот указал людям путь к спасению и искупил их грехи. Люди, поверившие в Иисуса, крестившиеся «во имя его» (обряд крещения представляет собой погружение в воду — символическое очищение от грехов) и выполняющие основные требования христианской религии, прежде всего требования послушания и смирения, и есть истинные христиане. Они после смерти попадут в рай, все же остальные будут наказаны за свои грехи в аду.

¹ Сектой называется религиозная группа, не согласная с какими-нибудь отдельными догматами или обрядами господствующей церкви.

Если вы спросите любого верующего, откуда ему известно, что сын божий Иисус сходил на землю, был распят и воскрес, он ответит вам: «Ведь об этом сказано в Библии» Библия — собрание самых различных сочинений, объявленных священными христианской церковью. В Библии две части: Ветхий завет, где собраны священные книги древних евреев, и Новый завет, в котором как раз и рассказывается о жизни Иисуса Христа, его проповедях и воскресении, а также о деяниях его учеников — апостолов¹ Первыми в Новом завете помещены четыре евангелия: Матфея, Марка, Луки, Иоанна. «Евангелие» по-гречески означает «благая весть»: евангелия представляют собой рассказ о жизни и деятельности Иисуса, который якобы сообщил людям божественное откровение (принес благую весть). Церковники почитают евангелия как самую главную часть Нового завета, они учат, что именно в этих четырех произведениях излагается истинное учение Христа.

Матфей и Иоанн, по христианской легенде, были учениками самого Иисуса; Марк якобы был учеником апостола Петра, Лука — Павла. «Как можно сомневаться в том, что Иисус был сыном Божиим, — твердят священники своей пастве, — когда все чудеса, им совершенные, вплоть до воскресения из мертвых, описаны самими очевидцами!»

Противоречия в евангелиях Однако давно уже ученые обратили внимание на большое количество противоречий в рассказах четырех евангелистов: эти рассказы не соответствуют историческим фактам, противоречат друг другу. Так, в Евангелии от Матфея сказано, что Иисус родился во время правления в Иудее царя Ирода (гл. 2, ст. 1). А известно, что

¹ Всего в Новый завет входит двадцать семь произведений: четыре евангелия, Деяния апостолов, двадцать одно послание апостолов (больше всего посланий, якобы написанных Павлом) и Апокалипсис (Откровение) Иоанна.

Ирод умер за четыре года до той даты, которую все христианские церкви считают датой рождения Христа и от которой ведется счет годам нашей эры. Авторы евангелий, видимо, плохо знали жизнь в Палестине: иудеи не ели свинины и не разводили свиней, так как считали свинью «нечистым животным», евангелисты же описывают стада свиней, в которых Иисус вселил бесов.

Свидетельства разных евангелий не согласованы друг с другом. У Матфея и Луки приводятся родословные Иисуса по линии Иосифа, мужа его матери (хотя Иосиф, по легенде, отцом его не был!). Матфей между Авраамом и Иисусом насчитывает сорок два поколения, а Лука — пятьдесят пять! Как же ученики Иисуса, которые, по учению церкви, были вдохновлены самим богом, могли так ошибиться в родословной божьего сына?!

**Когда были
написаны
евангелия
Нового завета?**

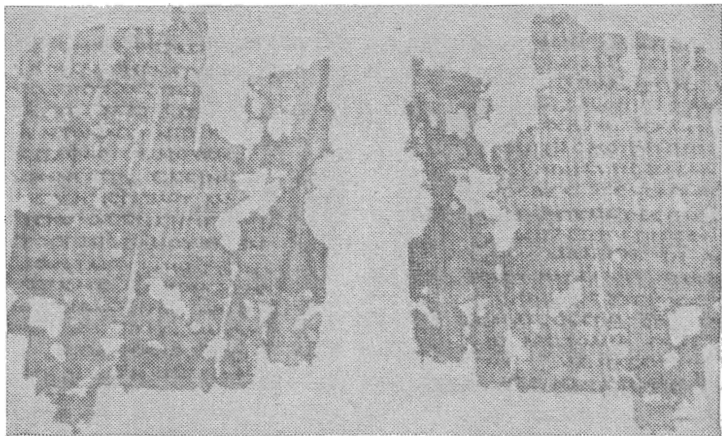
Церковники считают, что евангелия Нового завета были написаны в середине I в. н. э. Но даже писатель середины II в., защитник и проповедник христианства Юстин, которого

христиане почитают как мученика, в своих произведениях ничего не говорит об этих четырех евангелиях. Из сочинений Нового завета он упоминает только Откровение Иоанна.

Ученые, тщательно исследовав все противоречия евангелий, все свидетельства древних историков и христианских писателей, пришли к выводу, что евангелия Нового завета были написаны в разное время, в разных местах и совсем не теми лицами, которые указаны в заглавии¹.

Они создавались в течение первой половины II в., неоднократно переписывались и редактировались; как об

¹ О новозаветных евангелиях подробнее см.: Я. А. Ленцман. Происхождение христианства. М., 1958, стр. 27—34.

Первые записи евангелий были сделаны не раньше II в.
(фрагмент евангелия на папирусе, относящийся к II в.).

этом пишет философ и критик христианства Цельс, живший во II в., «некоторые из верующих трижды, четырежды, многократно переделывают и перерабатывают первую запись евангелия, чтобы иметь возможность отвергнуть изобличения» («Правдивое слово», II).

Сколько было евангелий?

Дело не только в том, что евангелия Нового завета, на которых зиждется учение христианской церкви, противоречивы и разновременны, — они вообще являлись лишь незначительной частью той литературы, которая создавалась, распространялась и почиталась как священная христианами II—IV вв.

Если внимательно прочитать произведения христианских писателей этих веков, то можно обнаружить у них упоминания большого количества евангелий самых разных авторов. Кроме четырех, вошедших в Новый за-

вет, существовали евангелия Петра, Андрея, Варфоломея, Филиппа, Якова, двенадцати апостолов, два евангелия Фомы, совершенно разные по содержанию, и еще одно Евангелие от Марка¹.

Некоторые евангелия назывались по тем группам христиан, в среде которых они были распространены: Евангелие евреев (т. е. христиан иудейского происхождения), Евангелие эбионитов, Евангелие назареев (так называли себя некоторые христианские группы из иудеев). Христианский писатель второй половины II в. Ириней в своем сочинении «Против ересей» писал, что некоторые египетские христиане «дошли до такой дерзости, что назвали свое сочинение Евангелием Истины».

Церковь считает священными и боговдохновенными только четыре евангелия, вошедшие в Новый завет, все же остальные объявлены апокрифическими, т. е. написанными втайне (от греческого слова «апокриф» — тайный), и подложными, не принадлежащими ученикам Христа². Но когда-то, в первые века развития христианства, эти евангелия распространялись, переписывались и почитались наравне с новозаветными.

**Свидетельства
Нового завета
о существовании
других евангелий**

Почему мы можем говорить об этом с такой уверенностью? Да прежде всего исходя из данных самого... Нового завета! Евангелие от Луки, третье по порядку расположения евангелие Нового завета, начинается следующими словами: «Как уже

¹ Существование другого Евангелия от Марка недавно доказал американский профессор М. Смит (см. «Biblical Archeologist», XXIV, 1961, № 4, р. 6). О существовании этого евангелия говорится во фрагменте, приписываемом Клименту Александрийскому. Долгое время этот фрагмент считался поздней подделкой. На основании филологического анализа Смит доказывает, что он был написан около 200 г.

² В христианской литературе много апокрифических произведений: не только евангелия, но и послания апостолов, апокалипсисы

многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями слова; то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил» (гл. 1, ст. 1—3). Таким образом, ко времени написания этого евангелия уже существовали *многие* жизнеописания Иисуса. Интересно, что автор третьего евангелия просто констатирует факт, без всякого противопоставления своего евангелия этим *многим*.

Тщательный анализ новозаветных текстов показывает, что иногда в посланиях к христианским общинам, написанных якобы апостолом Павлом, встречаются факты биографии Иисуса, не упоминаемые в четырех евангелиях. Например, в Послании к филиппийцам сказано: «Но уничижил себя самого (речь идет об Иисусе.— И. С.), приняв образ раба, сделавшись подобным человеку...» (гл. 2, ст. 7). В евангелиях Нового завета ни слова нет о том, что Иисус выступал в образе раба; вероятно, в распоряжении автора послания было какое-то жизнеописание, в котором этот факт упоминался.

**Свидетельства
христианских
писателей**

Еще больше сведений об апокрифической литературе можно найти у христианских писателей II—IV вв., которые защищали от нападок язычников и систематизировали новое религиозное учение. В середине II в. писатель Юстин адресовал правившим императорам специальное произведение, защищавшее христианство. В этом произведении он, между прочим, упоминает, что Иисус делал земледельческие орудия («Разговор с Трифоном иудеем», 88). Этого факта в Новом завете нет, он взят из каких-то других жизнеописаний

(откровения). Существует большое количество древнерусских апокрифов, прежде всего жития святых.

Иисуса. Рассказывая о суде над Иисусом, Юстин ссылается на слова апостола Петра («Апология», I, 35). Но ведь Евангелия Петра нет в Новом завете, а между тем Юстин знал и почитал это евангелие.

Особенно много упоминаний о евангелиях, не вошедших в Новый завет, у христианского писателя Иринея, епископа города Лугудуна (ныне Лион). Ириней выступал против почитания множества евангелий, он отстаивал святость четырех — Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Именно эти евангелия больше всего почитались в западных христианских общинах (Италии, Галлии, Северной Африки). Среди христиан восточных римских провинций (Сирии, Египта, Малой Азии) в ходу были самые различные евангелия в многочисленных редакциях. Идеологи каждой группы пытались отстаивать свои евангелия, нападая на евангелия остальных христиан. Ириней тоже с возмущением писал о людях, которые «приводят несказанное множество тайных и подложных писаний». В пылу спора Ириней и другие христианские писатели пересказывали содержание произведений своих противников и даже цитировали их. Благодаря этому мы можем составить представление о различных направлениях христианской литературы.

Археологические находки

Как бы ни были интересны данные, приводимые в произведениях церковных писателей, они все же являются слишком отрывочными, а подчас и искажающими смысл учений, негодных руководству церкви. Здесь на помощь историку приходит археология, и прежде всего раскопки и исследования на территории Египта. В песках Египта сохранилось много драгоценных памятников прошлого; особое значение имеют для историков папирусы с древними текстами: частными письмами, арендными договорами, художественными произведениями. Были обнаружены и рукописи сочинений христиан.

В Египте христианство распространялось примерно со II в. н. э. Благодаря археологическим находкам до нас дошли неизвестные ранее фрагменты и даже целые произведения раннехристианской литературы, в том числе и евангелия. Был найден отрывок из Евангелия Петра, который доставил много неприятностей церковникам¹. В 1946 г. были найдены полные тексты евангелий Фомы, Филиппа и Евангелия Истины. Ученые получили в свое распоряжение ценные материалы для критики богословской легенды о возникновении и развитии христианства.

**Почему
существовало
множество
евангелий?**

Существование множества евангелий объясняется тем, что христианство никогда не было единой религией. С начала своего возникновения оно было разделено на многочисленные группы и течения, которые враждовали друг с другом, называя своих противников лжеапостолами и лжепророками. Эти споры нашли свое отражение и в священных книгах христиан: так, автор Первого послания к коринфянам (в Новом завете это послание приписано апостолу Павлу) пишет с упреком христианам Коринфа: «Сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов»» (гл. 1, ст. 12).

В христианские общины, начиная со II в., входили люди разных социальных слоев и народностей. Пестрота состава отразилась и в спорах различных социальных групп: иудеи требовали, чтобы все христиане соблюдали обряды иудейской религии; греки и итальянцы не

¹ Православной церкви, можно сказать, пока везет: текст евангелия, приписываемого апостолу Андрею, проповедовавшему, по легенде, христианство среди славян, еще не найден. Но мы знаем, что оно существовало и было отвергнуто церковью, несмотря на священное имя его автора.

желали этого. Бедняки выступали против богатых и власть имущих; более зажиточные христиане, естественно, боялись подобных требований. Они стремились найти пути примирения с римским государством, которое первым христианам — беднякам казалось «великой блудницей»...

Споры и противоречия нашли свое яркое выражение в многочисленных евангелиях, ибо каждая группа стремилась вложить свои требования в уста Иисуса Христа, чтобы подкрепить их божественным авторитетом.

Разделение христианской литературы на каноническую и апокрифическую

Стремление к объединению

Вся масса противоречащих друг другу сочинений имела хождение среди разных христианских групп в течение II—IV вв. Самые ранние из них были написаны во второй половине I в. (например, Откровение Иоанна). Большинство же евангелий было создано во II в. Каждое из них для придания большего авторитета приписывалось какому-нибудь апостолу или его ближайшему ученику. В спорах представители одной группы христиан стремились всячески опорочить евангелия других групп, а иногда и их авторов: христиане из иудеев, почитавшие апостола Петра, называли Павла лжеапостолом; а автор новозаветного послания к христианам Галатии (область в Малой Азии), писавший под именем апостола Павла, ругает Петра, обвиняя его в лицемерии (Галат., гл. 2, ст. 11—13). Подобные разногласия, а также обилие сочинений, не согласованных друг с другом и в то же время претендовавших на абсолютную истинность, затрудняли руководство объединениями

христиан — христианскими общинами. А между тем потребность в единстве была велика. Императоры время от времени предпринимали гонения на всех инаковерующих, особенно на тех, кто отказывался поклоняться статуям императоров и почитать их как богов. Еще при императоре Нероне во второй половине I в. в Риме было казнено большое количество приверженцев восточных религий, в том числе и христиан, которые были подвергнуты изощренным пыткам. Историк того времени Тацит оставил описание этих казней: «К казни прибавилось еще и посмеяние; на них (осужденных.— И. С.) надевали звериные шкуры и травили собаками, распинали на крестах, жгли по ночам вместо фонарей» («Анналы», XV, 44).

В этих условиях возникает необходимость укрепить связи общин друг с другом, подыскивать тайные убежища, поддерживать тех, кто вынужден скрываться. Каждый член христианской общины вносил какие-то взносы на общественные нужды. И вот постепенно, приблизительно к середине II в., выделяются постоянные руководители общин и объединений этих общин — пресвитеры, диаконы, епископы, которые ведали религиозными, финансовыми и организационными делами, разрешали споры, координировали действия разных общин. Так было положено начало созданию единой организации всех христиан — церкви. Сначала должностных лиц выбирали из всех христиан: в списке первых римских епископов встречаются даже имена рабов. Но к концу II в. к ведущим должностям фактически стали иметь доступ только самые образованные и более состоятельные: разве мог раб или поденщик тратить свое время на произнесение проповедей, писание книг или подсчеты денежных средств общин? Кроме того, многие из бедняков христиан были неграмотны.

Начало отбора
священных
книг

Люди, стоявшие во главе христианских объединений, стремились привлечь к своему учению как можно больше людей самых разных народностей и социальных слоев. Они хотели также найти какие-то пути примирения с существующим строем, чтобы укрепить свое положение. Поэтому христианские епископы и идеологи II в. пытались отобрать из массы христианских писаний такие, которые помогли бы им объединить разрозненные христианские группы и заглушить проповеди непримиримого отношения к богатым и власть имущим.

Списки наиболее почитаемых христианских сочинений были составлены в самых больших объединениях, таких, как общины Рима, Карфагена (в Северной Африке), Александрии (в Египте), Антиохии (в Сирии).

Первый такой список из дошедших до нас был составлен в Риме около 200 г.¹ В нем упомянуты четыре евангелия (Матфея, Марка, Луки и Иоанна), послания, апокалипсисы (откровения) и т. п. Интересно, что в нем не упомянуты некоторые послания апостолов, которые вошли в окончательный текст Нового завета (Послание Павла к евреям, Второе послание Петра, Послание Иакова, три послания Иоанна), и в то же время приведены названия произведений, которые церковь впоследствии отказалась признать боговдохновенными (например, Апокалипсис Петра, «Пастырь» Гермия и др.). За признание тех или иных книг священными велась ожесточенная борьба. Еще в начале IV в. некоторые христиане утверждали, что Откровение Иоанна — подделка II в.

К III в. появилось несколько канонов, т. е. перечней обязательных для почитания священных книг.

¹ Этот список обычно называется «Фрагмент Муратори», по имени итальянского историка, который обнаружил список в одной миланской рукописи.

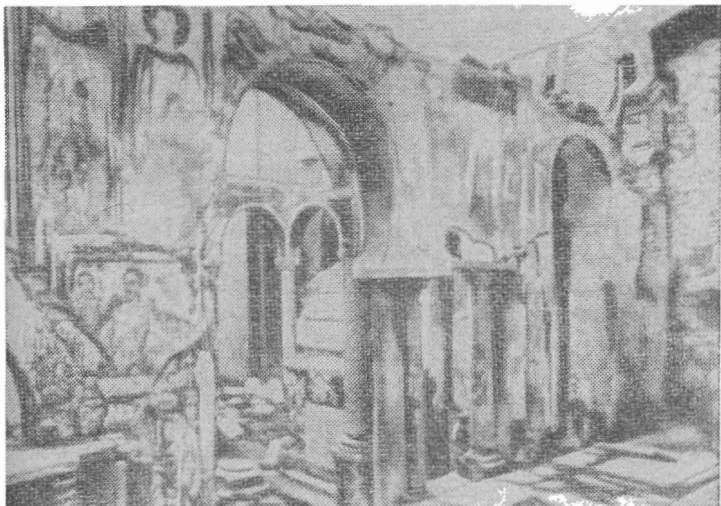
Римский канон, сокращенный по сравнению со списком Муратори, включал в себя основные произведения Нового завета. Он признавался также христианами западных провинций Галлии и Северной Африки. Самый термин «новый завет» по отношению к собранию священных книг стал применяться только в конце II в. Около 192 г. он был употреблен впервые в анонимном сочинении какого-то христианского писателя.

Александрийский канон III в. был значительно шире римского: туда были включены Учения двенадцати апостолов (Дидахе), «Пастырь» Гермы, Апокалипсис Петра, послания, написанные Климентом и Варнавой (по христианскому преданию — учениками апостолов). В Антиохии же сирийские христиане почитали единственное евангелие (написанное христианским писателем II в. Татианом и представлявшее собой переработку и пересказ евангелий Матфея, Марка, Луки и Иоанна), которое было известно под названием «Диатессарон» (по четырем).

Свое собрание священных книг было у некоторых групп христиан Верхнего (Южного) Египта; они считали священными евангелия Фомы, Филиппа, Евангелие Истины и целый ряд других сочинений.

Утверждение единого канона Только в конце IV — начале V в. был выработан единый список священных книг, обязательный для всех верующих. Это произошло не без вмешательства императора.

В начале IV в. императоры решили заключить союз с христианской церковью, которая давно уже провозгласила принцип «всякая власть от бога». В 312 г. было издано предписание, разрешающее христианам свободно отправлять свой культ. Христианские организации получили право владеть землей, покупать и продавать ее. Все имущество, отобранное у христиан во время преж-

В таких церквах уже возносились молитвы
за здоровье императора
(развалины христианской церкви IV в.).

них гонений, возвращалось им. Фактически это означало превращение христианства в государственную религию.

Император Константин (306—337 гг.), хотя и не был христианином, вмешивался в дела церкви и богословские споры: ему была нужна единая церковь, с единым централизованным руководством, которое соответствовало бы централизованному управлению империей. Чтобы разобраться в междоусобной борьбе христиан и выяснить подробнее, чему, собственно, они учат, Константин потребовал, чтобы епископы представили ему копии священных книг. Начались совещания епископов:

они созывали съезды (соборы), обменивались посланиями, чтобы наконец точно установить, какие именно сочинения вдохновлены свыше, а какие нет. По-видимому, установить это было довольно трудно: только в 363 г. в Лаодикее на совещании епископов было принято решение разослать по христианским организациям письма с перечнем канонических произведений. В лаодикейский канон вошли все произведения Нового завета, кроме Откровения Иоанна. Все остальные книги были запрещены — верующим не разрешалось их читать. После постановления Лаодикейского собора епископы отдельных округов обращались к своей пастве с посланиями, в которых указывали, какими книгами следует пользоваться. До нас дошло одно такое письмо александрийского епископа Афанасия, написанное в 367 г.

Лаодикейский канон не был окончательным. Собиралось еще несколько съездов епископов, и лишь в 419 г., через четыре века после мифического рождения основателя христианства, руководители церкви на съезде в Карфагене приняли тот текст Нового завета, который до сих пор считается священным у верующих в Иисуса Христа.

Запрещенные книги

После того как был выработан список канонических книг, церковники стали составлять списки книг запрещенных, или, как их называли, отрешенных. Эти книги подлежали уничтожению, а чтение их считалось религиозным преступлением. Первый список отрешенной литературы был составлен в V в. в Восточной Римской империи (Византии). Только небольшим количеством апокрифов, т. е. произведений, не включенных в канон, разрешалось пользоваться в качестве домашнего чтения, но не во время богослужений. Как правило, это были книги, написанные после новозаветных евангелий и содержание которых не казалось церкви опасным.

К апокрифической литературе прежде всего были причислены те христианские сочинения, где особенно резко осуждалось богатство, где содержались, хотя бы в самой слабой форме, призывы к социальному переустройству. Поэтому для разоблачения церковной пропаганды апокрифы, отражающие противоречия внутри христианства, могут дать ценный материал.

Сочинения церковных писателей, находки в Египте дают возможность в какой-то степени составить представление о литературе ранних христиан, не признанной и запрещенной христианской церковью.

Трудность изучения этих произведений состоит в том, что нельзя пока точно установить, к какому времени относится их составление. Конечно, церковники пытались и пытаются доказать, что они написаны после Нового завета. Но если судить по их содержанию, многие апокрифические евангелия, хотя они и дошли в поздних списках, были написаны раньше включенных в Новый завет, многие — параллельно с ними и в противовес им. Эти сочинения особенно ярко вскрывают противоречивость христианского учения, его бесконечную переработку в интересах господствующих классов.

* *
*

На русском языке не много работ, посвященных раннехристианским апокрифам. В небольшой книге С. А. Жебелева «Евангелия канонические и апокрифические» (Петроград, 1919) довольно подробно пересказывается содержание ряда апокрифов, но с канонами они, по существу, не сопоставляются. В работах советских историков, вышедших в сороковые — пятидесятые годы (Р. Ю. Виппер. Возникновение христианской литературы. М., 1946; Я. А. Ленцман. Происхождение христианства. М., 1958; А. Б. Ранович. О раннем христиан-

стве. М., 1959), разбираются некоторые апокрифические произведения, например Учение двенадцати апостолов (Дидахе), «Пастырь» Гермона, но на неканонических евангелиях эти авторы специально не останавливаются. Между тем именно жизнеописание Иисуса, передача его поучений различными авторами нагляднее всего показывают разобщенность и противоречивость раннего христианства.

Поэтому мы и хотим рассказать в этой книжке об отвергнутых церковью христианских сочинениях, в которых описывается деятельность Христа и приводятся его проповеди,— об апокрифических евангелиях и сборниках изречений Иисуса. Первые из них были созданы иудео-христианами (т. е. христианами, признававшими иудейскую религию и выполнявшими иудейские обряды), поздние были написаны уже в дополнение к Новому завету. Все они свидетельствуют о том, что единого стройного учения Иисуса никогда не существовало; христианская религия создавалась в ожесточенной борьбе отдельных групп и сект.

ИУДЕО-ХРИСТИАНЕ И ИХ ЕВАНГЕЛИЯ

Иудейские секты

**Иудея под
властью Рима**

В 63 г. до н. э. римские войска, только что завоевавшие Сирию, вступили в Иудею. Иерусалим был вынужден открыть им ворота. Кучка иудейских патриотов заперлась в Иерусалимском храме. Только после трехмесячной осады римляне ворвались в храм; священная казна была разграблена, Иудея была присоединена к римской провинции Сирии. Римляне посылали в Иудею своих наместников — прокураторов. Некоторые внутренние дела находились в ведении иерусалимского первосвященника, который фактически действовал по указке римлян. Отдельные области Палестины (например, Галилея) управлялись римскими ставленниками из местной знати.

Народные массы Иудеи не примирились с чужеземным игом. Вторая половина I в. до н. э. и весь I в. н. э. были временем непрерывных выступлений иудейского народа, который боролся и с римлянами, и с собственным жречеством, думавшим только о своем благополучии. Большинство народных движений того времени проходило под религиозными лозунгами: иудеи надеялись, что их бог поможет им в борьбе против чужеземцев, пришедших с запада и осмелившихся осквернить и

огрابتь храм Яхве. Римские войска жестоко подавляли восстания иудеев.

**В ожидании
мессия**

Под палящим палестинским солнцем, отбрасывая страшные черные тени, возвышались две тысячи крестов, сделанных в виде буквы Т. Две тысячи трупов висели на крестах, привязанные за руки к перекладинам. Жестокий римлянин, наместник Сирии Квинтилий Вар разгромил повстанцев, боровшихся в Галилее, Иордании и на юге Палестины против владычества римлян. Для устрашения иудейского народа он приказал распять пленных. Иудеи в ужасе обходили место казни...

Семьдесят лет назад так же были казнены в Италии мужественные рабы, боровшиеся под предводительством Спартака за свое освобождение. Может быть, поэтому Квинтилий Вар приказал именно распять повстанцев: он хотел показать иудеям, что они рабы римлян и, как рабы, должны повиноваться своим господам. Это произошло в правление императора Августа, приблизительно в то самое время, когда, по подсчетам церковников, родился Иисус Христос.

Зловещие силуэты крестов не позволяли иудеям забыть ни на минуту об участии их товарищей. Шепотом они говорили друг другу о том, что вот-вот настанет день и придет на землю помазанник божий, мессия, и тогда будет горе прибавляющим дом к дому, присоединяющим поле к полю, «так что *другим* не остается места»¹.

Сколько их было в Иудее I в., пророков и проповедников, которые объявляли, что они и есть посланцы и помазанники божии! Бедняки готовы были верить любому призыву, лишь бы он обещал освобождение. Одно движение сменялось другим. То восторженная толпа

¹ Слова из Книги пророка Исаии (гл. 5, ст. 8). Ожидание божественного спасителя, помазанника (т. е. человека, которого бог помажет на иудейское царство) называется мессианизмом.

шла за человеком по имени Февда к реке Иордан: Февда утверждал, что воды реки расступятся перед ним, и те люди, которые пойдут за ним, должны будут обрести спасение. То проповедник, приехавший из Египта, собирал на горе несколько тысяч человек: он тоже мессия, тоже сын божий, и он поможет сокрушить господство римлян. Но римляне бросали на толпу своих отборных легионеров, которые топтали, били, кололи и рубили всех этих пророков и их последователей.

Иерусалимское жречество и поставленные римлянами правители отдельных областей Палестины старались помогать своим господам в борьбе с народными выступлениями. Еще бы! Они боялись, что вместе с завоевателями иудейские бедняки сметут и их с лица земли: недаром пророки и мессии требовали отказа от богатства.

**Иоанн
Креститель**

Когда в Иудейской пустыне появился проповедник, призывавший народ очиститься водами Иордана и покаяться, ибо наступает день божьего суда, правитель Галилеи Ирод Антипа не на шутку испугался. Этот проповедник говорил о скором приходе мессии, который уничтожит все зло: «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь... Лопата его (мессии.— И. С.) в руке его, и он очистит гумно свое, и соберет пшеницу свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Матфей, гл. 3, ст. 10, 12). А еврейских жрецов и знать — всех тех, кто не желал никаких перемен, он называл «порождением ехидны»¹. В Новом завете этот

¹ Интересно, что в Евангелии от Луки, более далеко от иудейского предания, слова «порождение ехидны» относятся ко всему народу (Лука, гл. 3, ст. 7). Редакторы этого евангелия, отмежевываясь от иудейства, даже Иоанна Крестителя стремились противопоставить иудейскому народу.

проповедник известен под именем Иоанна Крестителя. Но мы знаем о нем и из другого источника: об Иоанне рассказывает еврейский писатель Иосиф Флавий, живший при дворе римских императоров в конце I в. н. э.¹ Именно из рассказа Иосифа Флавия мы можем понять, почему Ирод Антипа испугался Иоанна. Не потому, что тот проповедовал приход мессии: такой жестокий и беспринципный человек, как Ирод, вряд ли мог бояться какого-то потустороннего вмешательства. И не потому, что Иоанн, согласно Новому завету, обвинял его в кровосмесительном браке (Ирод женился на жене брата): в царских семьях восточных государств женились и на родных сестрах. Ирод боялся, что этот пророк, презиравший богатство, носивший одну только верблюжью шкуру, способен повести за собой народ. Иосиф Флавий так прямо и пишет: «Ирод стал опасаться, как бы его (Иоанна.—И. С.) огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повело к каким-либо осложнениям» («Иудейские древности», XVIII, 5, 2). И Иоанн, прозванный Крестителем, был схвачен, посажен в тюрьму и там казнен по приказанию Ирода. Иоанн был одним из многих пророков, чье имя (так же как и имя Февда, о жизни которого мы совсем ничего не знаем) случайно сохранили древние источники. Последователи некоторых из этих пророков собирались в группы, создавали свои особые обряды, т. е. образовали религиозные секты, выступавшие с требованиями организационных, идеологических или даже социальных изменений в иудейском обществе и господствующей религии.

Большинство современных исследователей считают, что в основе легенды об Иоанне Крестителе лежат исторические факты (см. *И. Д. Амусин. Рукописи Мертвого моря. М., 1960, стр. 219*). С. И. Ковалев в предисловии к книге А. Робертсона «Происхождение христианства» (М., 1956, стр. 19) пишет довольно осторожно: «Возможно, что какое-то историческое зерно в рассказе Иосифа Флавия (об Иоанне — И. С.) есть»

Сект в Иудее было много — и открытых и тайных. В той самой Иудейской пустыне, где, по преданию, проповедовал Иоанн, уже в наше время, в 1947 г., были найдены кожаные свитки с записями, принадлежавшими одной такой секте. находка вызвала целую бурю в науке. Документы были обнаружены арабскими пастухами в пещерах местности Вади-Кумран (в Иордании), недалеко от побережья Мертвого моря¹. До сих пор на страницах книг и журналов всего мира не прекращается дискуссия по поводу кумранских находок. Почему же свитки двухтысячелетней давности вызвали такой интерес? Изучение их показало, что в районе Кумрана со II в. до н. э. по 68 г. н. э. жила община иудейских сектантов², оторванная от остального мира. Эти люди не желали подчиняться иерусалимским первосвященникам — угнетателям народа. Они вводили для членов своей секты общность имущества и не разрешали торговать друг с другом. Важным обрядом было у них омовение, символизировавшее очищение от скверны. Основатель этой секты, удалившейся в пещеры Кумрана, назван в документах Учителем праведности. В I в. до н. э. Учитель был казнен по приказанию какого-то первосвященника («нечестивого жреца»). Кумранцы верили, что их Учитель вернется

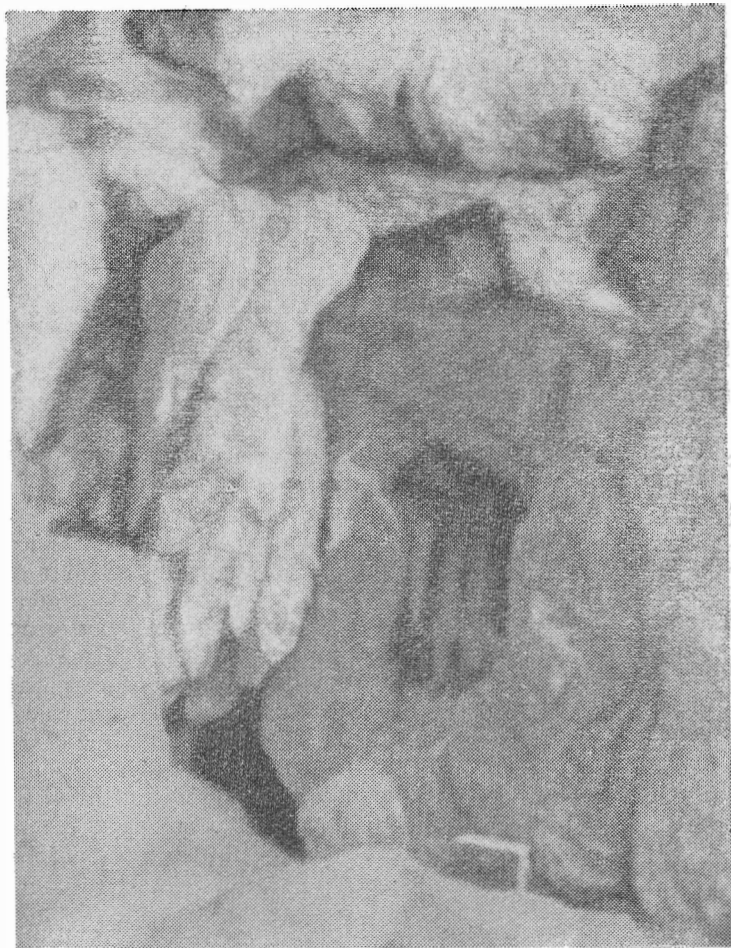
¹ Подробнее об этих находках см.: С. И. Ковалев и М. М. Кубланов. Находки в Иудейской пустыне. М., 1964; И. Д. Амузин. Рукосписи Мертвого моря.

² Большинство современных ученых считают, что это была секта ессеев, о которой есть сообщения у древних авторов. По данным Иосифа Флавия, римского писателя Плиния Старшего, философа Филона из Александрии, ессеи жили общинами, не знали денег, вводили общность имущества. Они были непримиримо настроены против римлян. Сами кумранцы себя ессеями не называли; возможно, ессеи — не самоназвание секты, а слово, которым обозначали несколько близких по учению религиозных групп их противники.

на землю в качестве мессии и сокрушит зло. Самих себя они называли «сынами света» и «бедными» или «нищими» («эбионим»), а общину свою — «Новый завет». Во главе общины стояли двенадцать старейшин. Новый завет, двенадцать старейшин, Учитель, казненный задолго до предполагаемого рождения Иисуса?! А как же тогда христианство, «единственная», «боговдохновенная» религия?!

Когда появились первые сообщения о кумранских находках, христианские богословы объявили, что в них содержится подтверждение исторического существования Иисуса. Но после того, как детальным анализом текстов и материалов, на которых они были написаны, было доказано, что сообщения об Учителе праведности относятся к значительно более раннему времени, чем принятые церковью даты рождения Христа, позиции богословов резко изменились. Церковники всех мастей принялись доказывать, что христианство не связано с этой маленькой еврейской сектой, существовавшей до Иисуса Христа, а если сходство и есть, то оно чисто случайное. Ватикан через свою официальную газету «Оссерваторе Романо» в начале 1956 г. заявил протест против какого бы то ни было выведения христианства из секты, жившей в Кумране. Откликнулась на кумранские находки и православная церковь: Михаил, епископ смоленский и дорогобужский, посвятил этим находкам специальные статьи. Он вынужден был признать сходство между христианами и кумранцами и в организации общин, и в проповедях, встречающихся как в Новом завете, так и в документах кумранцев. Но это сходство, по мнению епископа Михаила, не должно смущать верующих: «...придя в наш земной мир, сын божий благоволил беседовать с людьми на понятном для них языке»¹.

¹ «Журнал Московской патриархии», 1957, № 12, стр. 63.

Пещера Кумрана -- тайник древних иудейских сектантов.

Неясно только в таком случае, почему для своих проповедей, обращенных, согласно церковной догме, ко всему человечеству, Иисус пользовался образами и словосочетаниями из писаний маленькой, затерянной в Иудейской пустыне секты?

Кумранцы были одной из многих сект, недовольных существующим положением: была секта zelотов, готовивших вооруженное выступление против римлян; были секты, требовавшие общности имущества; было много других. Они сочетали реальную борьбу с мистическими откровениями, они ждали божественных вождей и создавали их себе из простых смертных. По словам Ф. Энгельса, это было «время, когда новые секты, новые религии, новые пророки появлялись сотнями»¹ И секта, которая стала верить не в мессию Февда, не в пророка из Египта, не в Учителя праведности, а в мессию по имени Иисус, была затеряна среди этих сотен.

У знаменитого французского писателя Анатоля Франса есть рассказ «Прокуратор Иудеи». В этом рассказе наместник (прокуратор) Иудеи Понтий Пилат, в чье правление якобы был распят Иисус, вспоминает в разговоре с другом о своей деятельности в Иерусалиме. И когда друг спросил его, помнит ли Пилат молодого галилейского чудотворца Иисуса, который был распят неизвестно за какое преступление, бывший прокуратор ответил: «Иисус? Иисус из Назарета? Не припоминаю». Исторический Пилат тоже мог бы ответить подобным образом: слишком много было людей, готовых поверить в приход мессии, слишком много было людей, выдававших себя за него.

¹ Ф. Энгельс. О первоначальном христианстве. М., 1962, стр. 16.

Первые христиане

«Нящие» В 26 г. нашего летосчисления — 780 г. от основания Рима — новый прокуратор Иудеи совершал свой въезд в Иерусалим. Вопреки всем традициям и обычаям, которые уважали прежние римские правители, прокуратор Пилат приказал войскам войти в Иерусалим с поднятыми военными значками. Жители Иерусалима были охвачены ужасом и гневом: их город, священный город иудеев, где нельзя было поклоняться никому, кроме Яхве, был осквернен: римские легионеры надменно шествовали по улицам Иерусалима, бряцая оружием и высоко поднимая свои священные знаки.

В период правления Понтия Пилата в Иудее (26—35 гг.) началось новое наступление на права иудейского народа. Увеличивались налоги; под предлогом строительства водопровода в Иерусалиме Пилат наложил руки на казну Иерусалимского храма. Наконец, в 35 г. прокуратор учинил кровавый разгром группы жителей Самарии, пришедших за очередным пророком к горе Гаризим. Пилат был отозван из Иудеи. Но последующие правители действовали не лучше. А спасителя все не было...

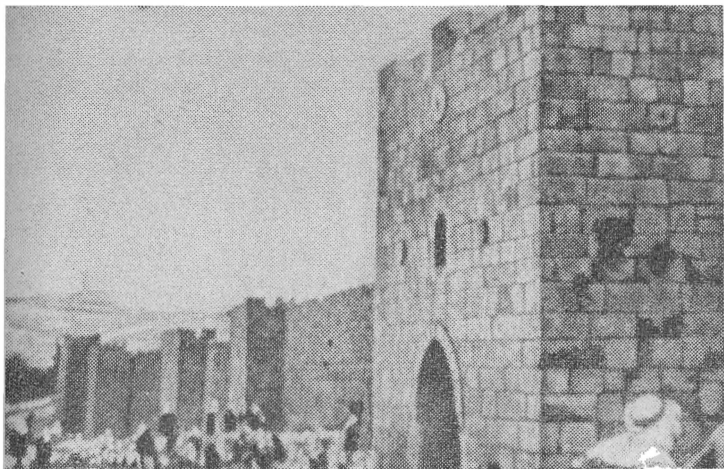
Отдельные группы верующих в ожидании мессии стремились подготовить себя к его приходу, очиститься от скверны. Они начинают массовые омовения в водах священной реки Иордан. Подобные группы называли себя назарейми. Епископ Елифаний, живший в IV в. н. э., рассказывает, что назареи существовали в Палестине до Иисуса и пользовались священными книгами «оссеев» (искаженное, «ессеи»). Многие современные прогрессивные ученые считают, что именно назареи

были сектой, где зародилось христианское учение¹. Впоследствии иудеи этим именем стали называть всех христиан (см. Деяния апостолов, гл. 24, ст. 5).

Среди назареев стала распространяться вера в то, что спаситель — посланец божий — уже приходил на землю, видел страдания иудейского народа и сам претерпел мучения. Этот мессия скоро вернется снова, и тогда он уничтожит угнетение и несправедливость. В приход мессии поверили прежде всего бедняки: им казалось, что их ненависть к богачам опирается теперь на божественный авторитет. К этим группам примкнула и секта, близкая к кумранцам (или просто часть их, уверовавшая в нового Учителя). Члены этой секты называли себя, как и кумранцы, эбионитами — нищими. Первоначально, вероятно, только вера в уже совершившийся приход, гибель и воскресение мессии отличала эбионитов, веривших в Иисуса, от эбионитов — последователей Учителя праведности. Эбиониты — последователи Иисуса выполняли основные требования иудейской религии: совершали обрезание, праздновали субботу. Но, слишком бедные, чтобы отказаться в субботу от всякой работы, они вложили в уста своего мессии знаменитые слова: «Суббота для человека, а не человек для субботы». Они ненавидели богачей, иерусалимских жрецов и римских правителей, казнивших их учителя — Иисуса из Галилеи.

Мы очень мало знаем об этих первых иудейских сектах, уверовавших в смерть и воскресение Иисуса, прежде всего именно потому, что они мало отличались от других подобных течений, разве что только именами своих пророков.

¹ См. А. Робертсон. Происхождение христианства. М., 1956, стр. 106. Он считает, что прозвище Иисуса Назарей свидетельствует о том, что основатель христианства принадлежал к этой секте.

Через эти ворота вступали в Иерусалим римские войска

Восстание в Иудее

Середина I в. н. э. была необычайно трудным и бурным временем для Иудеи. Народ не желал мириться с господством римлян, по всей стране шла подготовка к решительной борьбе. Наконец, в 66 г. н. э. восстание вспыхнуло. Оно охватило всю Палестину и даже перекинулось в соседние области Сирии и Египта. На улицах Иерусалима, Дамаска, Александрии гибли десятки тысяч людей. Римские полководцы вынуждены были отступить. В Палестине одним из крупных центров восстания была Галилея; борьба шла и в Иудейской пустыне, в тех самых местах, где жили кумранские сектанты. Под давлением римских войск они вынуждены были уйти, спрятав наиболее ценные рукописи, которые и пролежали в пещерах, скрытые от людских глаз, почти тысячу девятьсот лет.

Восстание длилось до 71 г. После продолжительной осады Иерусалим был взят Титом Флавием Веспасианом — сыном Флавия Веспасиана, незадолго до этого провозглашенного императором Рима. Тысячи защитников города были перебиты; тысячи были превращены в рабов-гладиаторов, которых заставляли сражаться друг с другом на аренах амфитеатров для потехи римской толпы. Огромное количество иудеев было отправлено в рудники — на самые тяжелые подземные работы в многочисленных провинциях империи. Восстание было топлено в крови.

Принимали ли участие в восстании эбиониты и назареи? На первом этапе, по всей вероятности, да. Эбиониты Кумрана, верившие в Учителя праведности, и эбиониты, верившие в мессию Иисуса, имели общих врагов — богачей и римлян — и совместно выступали против них. Иосиф Флавий, сдавшийся римлянам в плен во время этого восстания, оставил нам подробное описание его¹. Флавий рассказывает о мужестве и стойкости иудейских пленных, и особенно о стойкости ессеев. Он, как и другие писатели того времени, называет ессеями группу близких друг другу сект, куда входили и кумранцы и, очевидно, назареи и эбиониты. Вот что Флавий пишет о поведении ессеев во время пыток: «Война с римлянами представила их образ мыслей в надлежащем свете. Их завинчивали и растягивали, члены у них были спалены и раздроблены; на них испытывали все орудия пытки, чтобы заставить их хулить законодателя или есть недозволенную пищу, но их ничем нельзя было склонить ни к тому, ни к другому. Они стойко выдерживали мучения, не издавая ни единого звука, не роняя ни единой слезы. Улыбаясь под пытками, посмеиваясь

¹ См. *Иосиф Флавий. Иудейская война*. Русский перевод. Спб., 1900.

над теми, которые их пытали, они легко отдавали свои души в полной уверенности, что снова получат их в будущем» («Иудейская война», II, 8, 152—153).

Были ли среди этих людей и верившие в Иисуса — сказать трудно. Но тот общий подъем в Палестине в период борьбы с римлянами не мог пройти мимо них. Многие из них думали: может быть, эта война и есть знак второго пришествия мессии? Даже вне Палестины иудеи, верившие в мессию Иисуса, ждали конца мира: именно в период восстания в среде малоазийских иудео-христиан было создано Откровение Иоанна, полное ненависти к Риму. В Откровении описывается видение страшного суда: «...Рассвирепели язычники; и пришел гнев твой и время судить мертвых и дать возмездие рабам твоим, пророкам и святым и боящимся имени твоего, малым и великим, и погубить губивших землю» (гл. 11, ст. 18).

Все произведение написано патетическим языком с нагромождением устрашающих фантастических образов. Весь тон его был рассчитан на возбуждение слушателей. Рим в Откровении рисуется в виде блудницы, сидящей на чудовище о семи головах (т. е. на семи холмах); Иисус — как необычайное существо, голова которого и волосы «белы, как белая волна, как снег; и очи его — как пламень огненный» (гл. 1, ст. 14)¹.

Если такими настроениями были полны христиане сравнительно далеко от Палестины, то как же должны были волноваться те христианские группы, которые находились в самом центре восстания?! Ведь их мессия

¹ Для иудео-христиан, которые считали Иисуса человеком, а не богом, Иисус после воскресения не мог сохранить свой «обыденный» облик: воскреснув, он уже превращался в необычное, фантастическое существо. В Откровении, как и в других иудео-христианских сочинениях, Иисус выступает не как сын божий — он всего лишь «агнец божий», равный «рабу божию» Моисею (гл. 15, ст. 3).

сказал: «Не мир пришел принести я на землю, но меч...»

Однако когда восставшие начали терпеть поражения, когда в осажденном Иерусалиме ежедневно сотни людей умирали от голода, эбионитам стало ясно, что война не приведет к победе. А значит, это не наказание римлян, а наказание иудеев за грехи, за раздоры, за непризнание истинного мессии, еще одно испытание перед долгожданным вторым пришествием.

Чтобы спастись от преследования римлян, чтобы сохранить в целостности свою общину, эбиониты и назареи (возможно, оба эти названия относились к одной группе) или часть их переселились в Трансиорданию. В Трансиордании эбиониты оказались в изоляции: группы иудеев, выступавшие за продолжение борьбы с Римом, не могли простить их отношения к восстанию, которое эбиониты задним числом осуждали. А с иудейским жречеством, перешедшим на сторону римлян, «нищим» было не по пути... Они продолжали ждать второго пришествия мессии, которое избавит их от всех бед. Вероятно, именно в этот период эбиониты, назареи и близкие к ним группы, отдалившись от других иудейских сект, стали оформлять свое учение — формулировать поучения Иисуса, составлять его жизнеописание. Первые произведения этих групп были написаны на арамейском языке — разговорном языке населения Палестины. Они не дошли до нас в подлиннике, мы знаем только цитаты из них в переводах на греческий и латинский языки.

Распространение христианства

Во второй половине I в., особенно после Иудейской войны, палестинские переселенцы разнесли по городам и провинциям Римской империи легенду о мессии Иисусе. Проповеди о втором пришествии спасителя, который накажет богачей, уничтожит римлян, находили отклик в сердцах всех обездоленных, потерявших на-

дежду освободиться. Греческое население Малой Азии, Египта, Балканского полуострова перевело еврейское слово «мессия» на свой язык — так появился «христос». К концу I — началу II в. н. э. возникли общины христиан, куда входили уже не только иудеи, но и греки, египтяне, сирийцы и другие представители многоплеменного населения римской державы. Между всеми этими общинами велась, по выражению Энгельса, «дарвиновская борьба за существование». Христиане из язычников отказывались соблюдать требования иудейской религии (такие, как празднование субботы, обрезание), которым продолжали следовать христиане из иудеев. Более богатые люди, вступавшие в христианские общины, не хотели делиться с бедняками.

Когда только четыре евангелия были объявлены руководителями объединений христиан — епископами единственно истинными, большинство писаний эбионитов и назареев стало уничтожаться. Иудео-христиане превратились в еретиков, т. е. людей, отклонившихся от учения «истинной» церкви, а их произведения стали считаться подложными и тайными — апокрифическими.

Тем интереснее для нас выяснить, что же было в этих произведениях, отражавших раннюю стадию развития христианства, посмотреть, почему церковь отвергла иудео-христианские евангелия.

Евангелия иудео-христиан В произведениях церковных писателей II—IV вв. упоминаются евангелия иудео-христианских групп: Евангелие эбионитов, близкое к нему Евангелие евреев, Евангелие назареев, Евангелие двенадцати апостолов. В полемических сочинениях христианских писателей II в. много написано об эбионитах, вероятно потому, что эта группа казалась руководителям христианских общин наиболее опасной и влиятельной. В отличие от учения

современной церкви, эбиониты верили, что бог не мог создать зла и несправедливости (церковники считают, что зло — наказание за грехи людей). Они учили, что в мире существуют две силы — добрая и злая, между которыми идет непрерывная борьба. Каждая из этих сил имеет своего пророка на земле. Таким пророком добра был Иисус. А вот апостола Павла, который в своих посланиях выступал против иудеев и отрицал необходимость соблюдения законов иудаизма, эбиониты считали пророком дьявола¹. И во II в. они продолжали выступать против имущих. Именно это больше всего пугало церковников и создавало популярность сочинениям эбионитов. Ириней, писавший около 180 г., обвинял эбионитов в том, что они не признают непорочного зачатия. Для эбионитов Иисус был сыном Иосифа и Марии, он отличался от других людей справедливостью, благоразумием и мудростью. При крещении на него сошел дух божий, а при распятии дух покинул его (Ириней. «Против ересей», I, 26). В сохранившихся отрывках Евангелия эбионитов, которое исследователи считают переработкой более раннего Евангелия назареев, как раз и рассказывается о крещении Иисуса Иоанном Крестителем. Когда Иисус вошел в воду, на него якобы сошел святой дух и раздался голос с неба: «Ты сын мой возлюбленный, я тебе дам знамение...» Аналогичный рассказ содержится и в отрывке Евангелия евреев², которое, вероятно, является вариантом или просто другим

¹ Это учение изложено в так называемых Псевдо-Клементинах, произведении, написанном в конце II в. Автор его неизвестен. Христиане приписывали это сочинение легендарному епископу Рима Клименту.

² Отрывки и отдельные фразы из неканонических евангелий собраны в книге: *E. Preuschen. Antilegomena. Gieszen, 1905, S. 11—26.* Переводы из апокрифов, приведенные ниже, сделаны по этому изданию.

переводом Евангелия эбионитов¹. А что рассказывают о крещении Иисуса канонические евангелия? Ближе всего к версии иудео-христиан текст Евангелия от Матфея: современные ученые считают, что в основе этого евангелия лежит какой-то арамейский источник. По свидетельству писателя Папия, жившего в первой половине II в., Матфей записал по-еврейски поучения Иисуса, а другие, как могли, перевели на греческий. Но редакторы канонического евангелия изменили рассказ о крещении. Как они могли примириться с тем, что какой-то иудейский нищий пророк, сын плотника спас мир? Нет, он был сыном бога, богочеловеком. В новозаветном тексте голос обращается не к Иисусу, который с самого начала знал о своем предназначении, а ко всем присутствующим: «Сей есть сын мой возлюбленный...» (Матфей, гл. 3, ст. 17). Согласно Евангелию эбионитов, Иисус, бедный и добродетельный человек, получил знамение от бога, что в него вошел святой дух, и он стал проповедовать. Знамение в Евангелии от Матфея было не для Иисуса, а для других людей, чтобы те в него поверили.

Учение иудео-христианских групп об Иисусе нашло свое отражение в одном из ранних христианских сочинений — Дидахе. По мнению современных ученых, оно было написано «задолго до появления канонических евангелий»², примерно в начале II в. Иисус в Дидахе не сын божий, а раб (или служитель) божий: «При

¹ Евсевий, епископ кесарийский, в «Церковной истории» говорит, что эбиониты пользовались Евангелием евреев (III, 27, 4).

² Я. А. Ленцман. Происхождение христианства, стр. 163. Анализ текста Дидахе показывает, что оно было создано в среде иудео-христиан, никаких элементов учения об Иисусе как богочеловеке там еще нет. Р. Ю. Виппер относит написание Дидахе к I в. н. э. Хотя церковь не отнесла Дидахе к числу подложных произведений, в Новый завет его не включили.

вкушении чаши мы благодарим тебя, отец наш, за святую лозу раба твоего, которой ты нас причастил через Иисуса, раба твоего...» (Дидахе, IX, 1). К Иисусу в Дидахе применяются те же выражения, что и к Давиду — человеку, а не сыну божьему.

**Выступления
против
богатства**

Кроме основного расхождения между иудео-христианскими и каноническими евангелиями по вопросу, пророк или богочеловек был Иисус, существовали и другие противоречия. У иудео-христиан резче выражено требование отказа от богатства. В одном из отрывков Евангелия евреев приводится разговор Иисуса с богатым человеком: «Сказал ему другой богач: Учитель, какое доброе дело совершая, я буду жив? Сказал ему — человек, поступай согласно закону и пророкам. Отвечал ему — поступал. Сказал ему: ступай продай все, чем ты владеешь, отдай нищим, приходи и следуй за мной».

Этот разговор передается и в Евангелии от Матфея, но с соответствующими редакторскими вставками: «Иисус сказал ему (богачу.— И. С.): если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое, и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за мною» (Матфей, гл. 19, ст. 21). Вставки в каноническом тексте очень характерны: отказ от богатства не обязательное условие для последователей Иисуса (как в отрывке Евангелия евреев), а только средство достижения совершенства, за которое человек получит награду на небесах. Слова об этой награде очень неумело вставлены редактором; они не вяжутся с последующими: «и приходи, и следуй за мною» (после получения сокровища на небесах?).

Зачем понадобилось вставлять в текст Евангелия от Матфея фразу о вознаграждении? Дело в том, что первые христиане твердо верили в скорое второе пришествие

вие Иисуса. По учению эбионитов, Иисус — предсказанный мессия, он должен вернуться и установить тысячелетнее царство на земле. Интересна в этом отношении фраза из Евангелия евреев, приведенная в одном позднем латинском сочинении: «Хлеб наш будущий дай нам сегодня». Эбиониты с нетерпением ожидали второго пришествия и готовились к нему¹.

Учение назареев было близко к учению эбионитов. Разница заключалась в том, что назареи искали путей примирения с христианами из язычников: они считали, что для них не обязательно соблюдение обрядов иудейской религии, в то время как эбиониты считали это соблюдение непременным условием для вступления в христианские общины.

Учение иудео-христианских групп создавалось, по-видимому, в течение I в. н. э. На это указывает связь эбионитов, веривших в Иисуса, с кумранскими эбионитами. Интересно, что поздние писатели путали ессеев и эбионитов. Так, Филострат (IV в.) в «Книге о ересях» писал о ессеях, что «Христа, как господу, сына бога, они не ожидают и не признают, что он уже возведен в Законе и Пророках, но ждут его, считая только пророком и справедливым человеком»². Здесь Филострат явно объединил веру есеев в грядущий приход Учителя праведности с представлением эбионитов об Иисусе Христе как о пророке.

¹ Наиболее радикально настроенные иудео-христиане не отказывались от открытых выступлений. По-видимому, они участвовали во втором иудейском восстании 132—135 гг. под предводительством Бар-Кохбы, который объявил себя мессией. Правда, затем они отошли от него, так как отказались признать Бар-Кохбу мессией (см. А. Донины. Люди, идолы и боги. М., 1962, стр. 240).

² См. И. Д. Амусин. Рукописи Мертвого моря, стр. 208.

Для Иринейя учение эбионитов было учением «старым»: «Безрассудны также эбиониты, которые не принимают в свою душу соединения бога и человека, но пребывают в старой закваске (плотского) рождения» («Против ересей», 5, 1).

Можно думать, что иудео-христианские евангелия были созданы до канонических евангелий Нового завета. Интересное свидетельство по этому поводу содержится в новозаветном Послании к галатам. По единодушному мнению прогрессивных историков, основные послания, написанные от имени апостола Павла, были созданы раньше евангелий Нового завета¹. Послание к галатам (т. е. к христианам, жившим в Галатии) посвящено полемике с иудео-христианством. Автор его упрекает галатийских христиан, что после его проповедей они обратились к «иному евангелию» (в русском переводе, чтобы не смущать верующих, сказано: «к иному благовествованию»), «которое, *впрочем* не иное,— тут же, как бы спохватившись, добавляет автор,— а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование христово» (Галат., гл. 1, ст. 7). Что же это за «иное» евангелие и какой вред оно принесло галатам? Оказывается, они стали соблюдать требования иудейского закона. Все послание пронизано полемикой с требованиями иудео-христиан выполнять иудейские обряды: «Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа» (Галат., гл. 5, ст. 2). Таким образом, в Послании к галатам речь идет о евангелии иудео-христиан, против которого выступает автор, хотя прямо объявить его ложным он еще не решает. Вероятно, это было евангелие, создан-

¹ См. Я. А. Ленцман. Происхождение христианства, стр. 34—35. Автор посланий Павла не упоминает ни одной биографической подробности, которые содержатся в евангелиях Нового завета, и нигде на них не ссылается.

ное эбионитами, так как именно эбиониты требовали строгого соблюдения иудейского закона. Об «ином евангелии» речь идет во втором послании Павла к коринтянам; автор упрекает христиан Коринфа в недостаточном послушании: «Ибо, если бы кто, придя, начал проповедывать... иное благовестие... то вы были бы очень снисходительны к тому. Но я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших апостолов» (2 коринф., гл. 11, ст. 4—5). Из этого отрывка видно, что «иное евангелие», не соответствовавшее учению автора посланий, приписывалось старшим апостолам, т. е. непосредственным ученикам Иисуса. По свидетельству Иринейя, из новозаветных евангелий эбиониты пользовались только Евангелием от Матфея («Против ересей», I, 26). Возможно, это евангелие было сильно переработанным переводом какого-то иудео-христианского евангелия на греческий язык. Сопоставление рассказов о богаче, которое сделано выше, подтверждает это предположение.

Итак, первые палестинские группы христиан проповедовали бедность и ждали возвращения Иисуса на землю¹. Они надеялись, что Иисус уничтожит всех угнетателей, прежде всего римлян и иудейских жрецов. Римские, антиохийские, карфагенские епископы стремились порвать с иудаизмом: они ненавидели иудейский народ за постоянные выступления против римлян. Так, римский епископ Виктор в конце II в. отлучил (т. е. объявил отступниками) те малоазийские общины христиан,

¹ Некоторые современные ученые (А. Донини, О. Барденхевер; из советских исследователей на этой точке зрения стоял Н. Румянцев) считают, что выражение «нищие», повторяющееся в посланиях Павла и евангелиях, означает название секты эбионитов (в переводе на греческий язык). Так, в Послании к галатам рассказывается, что апостолы Иаков, Кифа и Иоанн поручили Павлу и Варнаве идти проповедовать к язычникам, «только чтобы мы помнили нищих» (Галат., гл. 2, ст. 10).

которые праздновали пасху вместе с иудеями. Правда, затем он вынужден был отменить свое решение: на стороне иудео-христиан был авторитет давности; их сочинения были распространены не только в Палестине, но и в Сирии, и в Египте.

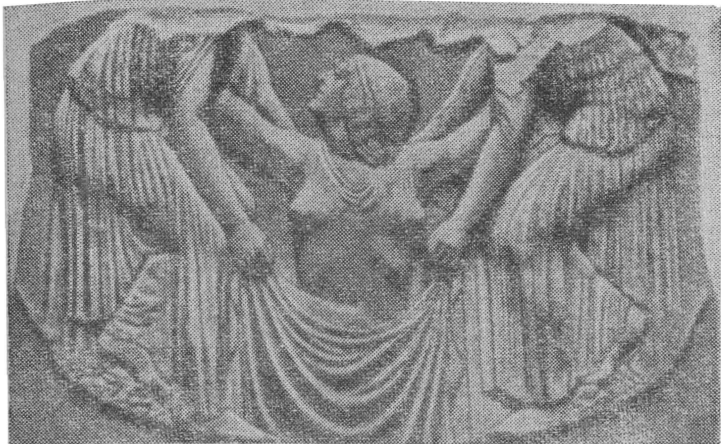
В IV в. церковники, заключившие союз с императорами и почувствовавшие реальную силу, окончательно отреклись от учения древнейших христианских сект. Сочинения иудео-христиан изымались, уничтожались, как еретические. Дело было не только в том, что эбиониты соблюдали иудейские обряды. Одним из самых важных расхождений между ними и церковью был спор о том, кто такой Иисус.

Бог или пророк?

Споры вокруг личности Иисуса

Спор о том, кто был Иисус Христос, так же древен, как и само христианство. Иудео-христиане считали его пророком. Некоторые христиане, наоборот, не признавали его человеческой сущности. По их учению, это был святой дух, который только принял человеческое обличье. Так считали люди, стоявшие за полный разрыв с иудаизмом: их спаситель не мог быть нищим евреем. Споры вокруг этого вопроса открыто велись в течение по крайней мере двух веков. Они отразились и в Новом завете: четвертое евангелие (от Иоанна), значительно отличающееся от остальных трех, начинается словами: «В начале было слово, и слово было у бога, и слово было бог» (Иоанн, гл. 1, ст. 1). Христос для автора этого евангелия и был таким «словом-богом».

Руководящая же группа в христианских общинах, стремившаяся объединить верующих и вовлечь в свои общины как можно больше людей, создала фикцию богочеловека, появившегося на свет благодаря непороч-

Древние греки верили, что богиня Афродита появилась прямо из пены морской.

ному зачатию. Идея о непорочном зачатии, совершенно чуждая первым христианским группам, была заимствована из древних мифов языческих религий о чудесном рождении различных богов и богинь. Так, легенда о непорочном зачатии содержится в буддизме — религии, возникшей в Индии за пять веков до появления христианства. По греческим мифам, богиня Афина родилась в полном вооружении прямо из головы бога Зевса, богиня Афродита возникла из морской пены... Наличие одного из родителей или даже обоих было не обязательно, по древним первобытным представлениям, но миф о непорочном зачатии, конечно, казался дикой нелепостью сколько-нибудь образованным людям первых веков нашей эры. Поэтому вплоть до IV в. этот миф критиковали сами христиане с разных позиций: одни признавали

Иисуса только человеком, другие — только богом. И лишь после победы христианской церкви ее руководители силой заставили замолчать эту критику.

Мифологическая школа В XIX в. целый ряд буржуазных ученых, принадлежавших к так называемой мифологической научной

школе, детально показали, что легенда об Иисусе Христе создана на основе различных восточных мифов об умирающем и воскресающем боге и пророчеств Ветхого завета. И действительно, день рождения Иисуса, 25 декабря, заимствован христианской церковью из персидской религии, — это был праздник в честь бога солнца Митры. В египетском мифе об умирающем и воскресающем боге — покровителе растительности Осирисе его жена Исида с младенцем — сыном Гором бегут на осле от преследований злого божества Сета. И в евангельском мифе, тоже на осле, бежит Мария с маленьким Иисусом от преследований царя Ирода... Подобных примеров можно привести множество. Легенда об Иисусе с течением времени обросла самыми различными подробностями, заимствованными из самых различных мифов и легенд.

Ученые мифологической школы отрицают существование Иисуса — основателя христианской религии и считают весь его образ вымышленным с начала до конца.

Историческая школа Однако некоторые историки-марксисты считают возможным говорить об историческом ядре евангельского

мифа, т. е. о каком-то реальном лице, вокруг жизни которого и образовался миф. К таким историкам принадлежит недавно умерший английский ученый Арчибальд Робертсон. Робертсон полагает, что легенда об Иисусе развивалась от менее чудесного «к более чудесному... от человека, «засвидетельствованного вам от бога» (Деяния, 2, 22), к богу, который стал «плотью и обитал с

нами»¹. Иисус, по предположению Робертсона, мог быть проповедником из секты назареев².

Профессор А. Донини также пытается выделить историческую подоплеку евангелий. Он пишет по поводу ученых мифологической школы: «Их доводы содержат существенные элементы истины и не могут быть необдуманно отвергнуты. И все же передовые течения исторической науки, сознающие опасность тех направлений, которые не принимают во внимание историко-социального процесса образования христианских преданий, чувствуют необходимость переоценки понятия мифичности. Несомненно, впадет в абстрактный и догматический интеллектуализм всякий, кто за религиозными вымыслами не увидит подлинных людей с их верованиями и страданиями и все исторические причины «отчуждения» действительной жизни этих людей в нереальный мир»³.

В настоящее время вопрос об историчности Иисуса не может быть решен окончательно, но некоторые аргументы ученых-мифологистов нуждаются в пересмотре. Дело в том, что сторонники теории мифа основывались, как правило, только на данных Нового завета, почти не принимая во внимание апокрифических евангелий. Так, эти ученые говорят, что в наиболее ранних христианских сочинениях (Откровении Иоанна, некоторых посланиях, приписываемых Павлу) Иисус Христос рисуется агнцем, духом, богом, но не реальным человеком. Следовательно, авторы этих ранних произведений ничего о его жизни не знали. Но изучение апокрифических евангелий разрушает эту схему: эбиониты были, по всей вероятности, одной из самых древних христианских групп,

¹ А. Робертсон. Происхождение христианства, стр. 117.

² См. там же, стр. 106.

³ А. Донини. Люди, идолы и боги, стр. 267.

а в их евангелии, так же как и в Дидахе, Иисус — человек, а не бог и даже не богочеловек.

Были ли
у Иисуса
братья?

Интересна также история с братьями Иисуса. В книге писателя Иосифа Флавия «Иудейские древности» содержатся два упоминания об Иисусе.

Одно из них явная фальшивка, позднейшая вставка христианских переписчиков, и подложность ее ни у кого (кроме, разумеется, богословов!) сомнения не вызывает. Другое упоминание заключается в следующем: Иосиф Флавий между прочим сообщает, что иудейский первосвященник казнил «брата Иисуса, именуемого Христом, по имени Иаков, равно как и несколько других лиц» (XX, 9, 1). Хотя христианские писатели III в. знали это место (писатель Ориген его цитирует), противники историчности Иисуса и это место считают подделкой. С. И. Ковалев пишет, например: «Если это место Иосифа не подделка (что возможно, несмотря на свидетельство Оригена), то в нем идет речь не об Иисусе Назарее, а о каком-то другом мессии»¹. Между тем Иаков, брат Иисуса, упоминается в Новом завете, в одном из посланий Павла: «Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром, и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата господня» (Галат., гл. 1, ст. 18—19); а также в евангелиях от Марка (гл. 6, ст. 3) и от Матфея (гл. 13, ст. 55), где по именам перечисляются братья Иисуса (у Марка: «Не плотник ли он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона?»). Иаков фигурирует и в апокрифических евангелиях (Евангелие Фомы, Евангелие евреев). Он назван там «Иаков праведный» (тем самым его выделяют среди других апостолов).

¹ Предисловие к книге А. Робертсона «Происхождение христианства», стр. 13.

В Евангелии евреев рассказывается, что именно ему первому явился воскресший Иисус, в то время как остальные апостолы спали¹. Поскольку иудео-христиане не признавали девственности Марии, существование у Иисуса братьев было для них вполне естественно. Вероятно, к этому, более древнему евангелию и восходят упоминания у Марка и Матфея. Редакторы же евангелий от Луки и от Иоанна эти упоминания выбросили (сравни: Лука, гл. 4, ст. 24). Они считали, что мать богочеловека должна была оставаться непорочной и никаких детей больше рожать не могла. Ну, а если братья и сестры (Марк и Матфей говорят еще и о сестрах!) все-таки упомянуты в раннехристианских произведениях?

Так изображали в Средние века Иакова, брата Иисуса.

¹ «...Принес хлеб и благословил и дал Иакову праведному и сказал ему: брат мой, ешь хлеб твой, ибо сын человеческий восстал ото сна среди спящих» (см. *J. Weiss. Earliest Christianity. N. Y., 1959, p. 11*).

Что делать с ними? По этому вопросу в церковных кругах была целая дискуссия. Ориген, писатель III в., утверждал, например, что братья Иисуса — это дети Иосифа... от первого брака. Пришлось дважды женить бедного плотника (в Новом завете о первой жене его нет ни слова!), чтобы сохранить целомудрие богоматери. Но вообще об этих кровных родственниках старались вспоминать поменьше. Трудно представить себе, чтобы христианские переписчики вставили в сочинение Иосифа Флавия фразу о том самом брате, от упоминаний о котором в других произведениях они стремились избавиться.

Для марксистской науки не имеет принципиального значения вопрос о том, жил или не жил в царствование императоров Августа и Тиберия в Иудее человек по имени Иисус, который был казнен при прокураторе Понтии Пилате и впоследствии обожествлен своими суеверными последователями. Христианская религия, как и все значительные религиозные движения, создавалась постепенно, массами верующих. Основные моральные и богословские идеи христианства уже существовали в период его зарождения в других религиях и философских системах. И если некоторые детали евангельских мифов восходят к реальной жизни какого-то иудейского проповедника или даже разных проповедников (например, Учителя праведности), то это нисколько не меняет нашего представления о причинах возникновения христианства и закономерностях его развития. Мы, например, точно знаем, что Мухаммед, почитаемый мусульманами как основатель их религии (ислама), действительно жил в VII в. Но ислам отнюдь не явился результатом творчества одного человека. Эта религия отражала интересы определенных слоев арабских племен, многие догматы ее были заимствованы из христианства и иудаизма, а священная книга мусульман Коран была написана идео-

логами ислама уже после смерти Мухаммеда. Естественно поэтому, что выяснение отдельных деталей его биографии не может изменить общей научной оценки ислама, так же как окончательное решение вопроса об историчности Иисуса (какая бы школа ни оказалась права) не изменит марксистского учения о христианстве.

«ИЗРЕЧЕНИЯ ИИСУСА»

Первые проповедники

Бродячие пророки У первых христиан — рабов и бедняков, собиравшихся по ночам на свои тайные собрания, не было никаких особых обрядов или определенных по содержанию проповедей. Египетские, греческие, сирийские проповедники переводили, как могли, на язык своих слушателей поучения и пророчества, рассказанные им переселившимися иудейскими сектантами.

Поздно вечером уставшие от непосильной работы люди с надеждой слушали слова, обещавшие им спасение.

«Придет второй раз сын божий,— раздавался голос проповедника,— и установится на земле тысячелетнее царство добра и справедливости. И будет тогда изобилие всех плодов земных. И будут расти целые виноградные деревья, по десять тысяч лоз каждое. Так сказал Иисус»¹.

Каждый из слушавших надеялся в глубине души, что именно он доживет до этого времени и увидит все воочию.

¹ Описание изобилия на земле после второго пришествия вложено в уста Иисуса писателем Папием (первая половина II в.).

До христиан-евреев, живших в Александрии, Антиохии или Эфесе, доходили отзвуки иудейского восстания. Из уст в уста передавали они рассказ о страшном суде божьем, который вот-вот должен был наступить. Тогда будут наказаны все грешники, и прежде всего ненавистный Рим — «великая блудница».

Все новые и новые люди пробирались на собрания христиан и слушали сказания об Иисусе, который погиб за них и должен их спасти. Египтянам Христос напоминал их древнего бога Осириса, научившего, по преданию, людей земледелию. Осирис был убит своим злобным братом Сетом, но потом воскрес. Греки вспоминали мифы о прекрасном боге виноградарства Дионисе: его тоже люди сначала не признавали и преследовали. Всем хотелось верить, что Иисус, новый воскресший бог, и будет именно тем богом, который поймет их страдания и поможет им. Они рассказывали друг другу об этом боге или пророке, и каждый вкладывал в уста Иисуса слова, отражающие именно его интересы и чаяния.

Бродячие проповедники — апостолы и пророки, как их называли христиане, — переходили из города в город и передавали все эти рассказы об Иисусе и притчи, якобы самим им сказанные. Они не больше двух дней оставались в христианской общине: христиане были слишком бедны, чтобы кормить их дольше; провожая своих пророков, они давали им хлеба до следующего места ночлега¹.

История Перегрина Среди этих проповедников было много невежественных людей и просто шарлатанов. Великий римский сатирик II в. Лукиан, борющийся против всех и всяческих богов, божков,

¹ Этот порядок описан в Учении двенадцати апостолов (Дидахе), которое представляло собой руководство по внутренней жизни общины. Там прямо сказано, что если проповедник задерживался на третий день, то он лжеапостол и лжепророк.

духов и духовидцев, нарисовал одного такого шарлатана, пользовавшегося успехом у христиан. Это был некто Перегрин, в молодости избитый за прелюбодеяние. Ходили слухи, что он задушил своего отца, поэтому он не мог жить у себя на родине. В своих скитаниях Перегрин встретился с христианами. Он был человек ловкий, умел хорошо говорить и в скором времени, как рассказывает Лукиан, «он сделался и пророком, и главой общины, и руководителем собраний, словом, один — был всем. Что касается книг, то он толковал, объяснял их, а многие сам сочинил»¹. Перегрин попал в тюрьму за связь с христианами; они, видя в нем мученика, помогали ему, чем могли, собирали для него деньги. «Его заключение в тюрьме,— ядовито замечает Лукиан,— превратилось для него в хороший источник доходов». Выпущенный из тюрьмы, Перегрин путешествовал из города в город за счет христиан до тех пор, пока по какому-то поводу не поссорился с ними. Лукиан очень ярко показывает беспринципность Перегрин: приехав в Грецию, уже после разрыва с христианами, Перегрин начал произносить громовые речи против одного общественного деятеля, который провел водопровод в Олимпии. Но, когда жители Олимпии хотели побить его камнями, Перегрин быстро перестроился и стал восхвалять этого человека.

Разумеется, не все христианские проповедники были похожи на Перегрин; среди них были и фанатики, которые искренне верили, что они учат слову божьему. Каждый из них проповедовал по-своему, и они яростно нападали друг на друга.

Борьба среди пророков В Откровении Иоанна, написанном в конце шестидесятых годов I в., с возмущением перечисляются различные ложные пророки. Автор этого произведения, назы-

¹ Лукиан. О кончине Перегрин. Собрание сочинений, т. II. М. Л., 1935, стр. 479 и след.

вающий себя Иоанном с острова Патмоса, обращается к семи христианским общинам Малой Азии. Эфесских христиан он хвалит за то, что они не послушались людей, «которые называют себя апостолами, а они не таковы» (Откровение, гл. 2, ст. 2). Христиане же Пергама и Тиатиры (все эти города находились в Малой Азии), по его мнению, ведут себя недостойно: пергамские христиане почитают пророков Валаама и Валака, едят недозволенную пищу, а тиатирские — почитают пророчицу Иезавель. Эти лжепророки разрешают им есть мясо животных, принесенных в жертву языческим богам (по учению христиан, приносить жертвы идолам и есть жертвенное мясо — великий грех). Так как никакой реальной власти в руках христианских проповедников не было, то автор Откровения мог только грозить негодным ему проповедникам. Иезавели, например, которая почему-то возбудила его особую ненависть, он угрожает «наказанием Божиим»: болезнью, смертью детей и т. п.

В обстановке такой борьбы руководители общин скоро почувствовали необходимость записать основные положения нового учения, чтобы иметь хоть какую-то опору в бесконечных спорах между собой разных христианских групп. Первые записи преданий и молитв во избежание искажений, которые возможны при пересказе, заучивались верующими наизусть: многие христианские сочинения написаны ритмической прозой. Это было сделано для того, чтобы их легче могли заучивать и рассказывать неграмотные¹.

¹ См. А. Робертсон. Происхождение христианства, стр. 99.

Записи изречений Иисуса

Сообщения
об изречениях
Иисуса

К концу I в. н. э. появились записи различных пророчеств (например, Откровение Иоанна), появились списки поучений, якобы произнесенных Иисусом Христом. Эти записи, возможно, были сделаны еще до составления первых евангелий: писатель середины II в. Юстин знал изречения Иисуса, но о евангелиях он ничего не упоминает. Евангелия и явились, по существу, более или менее связной обработкой записей изречений.

В первой половине II в. христианский писатель Папий, выдававший себя за ученика апостола Иоанна, написал сочинение «Изъяснение господних изречений». До нас оно не дошло — только цитаты из него приведены в некоторых, более поздних сочинениях¹. Папий в своей книге заявил, что он предпочитает больше верить устному преданию, чем книгам, и цитировал некоторые изречения, якобы сказанные Иисусом, которых нет в Новом завете. Это Папий приписывает Иисусу рассказ об изобилии пшеницы и целых виноградных деревьях, которые будут расти после второго пришествия. Впоследствии руководителям христианской церкви, когда они отбирали священные книги, по-видимому, не понравился ни этот рассказ, ни само сочинение Папия. Поэтому оно и не сохранилось: монахам в средневековых монастырях — немногим грамотным людям, которые могли переписывать древние рукописи, — было, вероятно, «не рекомендовано» их духовными наставниками заниматься перепиской сочинения Папия. Еще бы!

¹ Цитаты из Папия и пересказ отдельных мест его книги имеются у епископа лионского Иринея в его работе «Против ересей» (II в.) и у епископа кесарийского Евсевия в «Церковной истории» (IV в.).

Ведь он приводил и такие слова Иисуса, которых нет в боговдохновенных евангелиях: это могло подорвать их авторитет!

Ученые еще в XIX в. обратили внимание на известия о произведении Папия. Детально изучая священные книги христиан, они пришли к выводу, что в основе евангелий Нового завета лежат записи отдельных поучений, в свою очередь восходившие к устному преданию. Даже те ученые, которые считали Иисуса реально существовавшим гениальным человеком, не могли видеть в евангелиях подлинный рассказ его учеников, поскольку авторы евангелий совсем не были знакомы с реальной обстановкой в Палестине.

**Изречения,
которых нет
в Новом завете**

Ученые стали тщательно собирать все сведения об Иисусе в литературе III—IV вв., которые расходились с текстом Нового завета. И вот оказалось, что не только у Папия, но и у таких почитаемых церковью христианских писателей, как Ориген, живший в III в. н. э., сохранились изречения Иисуса, которых в каноне нет. Вот одно из них: «Из-за слабых я был слаб, из-за голодающих голодал и из-за жаждущих испытывал жажду»¹. И рассказ у Папия, и это изречение из Оригена имели хождение среди самых бедных слоев населения, которые видели в Иисусе защитника слабых и угнетенных и мечтали о справедливом обществе на земле, когда прежде всего будут удовлетворены их материальные нужды. А в неканоническом произведении «Деяния Филиппа» (написанном по образцу многих деяний апостолов — учеников Иисуса) содержится изречение, призывающее к переустройству мира (и социальных отношений, вероятно, тоже): «Если не сделаете вы нижнее

¹ Перевод изречений Иисуса сделан по изданию *E. Preuschen. Antilegomena, ss. 27 ff.*

верхним и правое левым, не войдете в царство мое» — это изменение ставится здесь условием достижения царства божьего. Вот еще одно неканонизированное изречение, которое якобы произнес Иисус: «Слабость спасется через силу». Подобные изречения были созданы среди тех христиан, которые хотели немедленного освобождения и, возможно, сами принимали участие с оружием в руках в Иудейском восстании 66—73 гг.

В ряде христианских произведений сохранилось изречение Иисуса, первоначально бывшее в одном из иудео-христианских евангелий: «Мать моя — святой дух». Эти странные на первый взгляд слова объясняются тем, что в арамейском языке, на котором разговаривали народные массы Палестины, «святой дух» — женского рода. Здесь речь идет о том святом духе, который якобы вошел в Иисуса и как бы заново родил его. Эти слова интересны тем, что они указывают на сравнительно позднее возникновение легенды о непорочном зачатии Иисуса: подобная легенда не могла возникнуть в среде иудео-христиан. Она появилась только после того, как учение о Христе распространилось среди людей, говоривших на греческом языке: по-гречески «святой дух» — мужского рода.

Христианским епископам III—IV вв., редактировавшим и отбиравшим священные книги, многие изречения Иисуса были не по душе. Второе пришествие Христа и царство божье на земле, которому были посвящены многие изречения, все не наступало. Руководители христианских общин искали путей примирения с императорской властью. Уже в 180 г. Афинагор, христианин из Афин, написал адресованное императору Марку Аврелию и его сыну Коммоду «Прошение о христианах». Там сказано: «Мы молимся за вашу власть, чтобы сын наследовал от отца царство и чтобы ваша

власть более и более утверждалась и чтобы все вам были покорны» («Прощение о христианах», 37).

Сами епископы к этому времени уже бесконтрольно распоряжались всеми делами и финансами общин. Очень ярко это положение епископов отражено в одном из пунктов так называемых «Апостольских постановлений» (разумеется, правила, защищавшие их привилегии, епископы тоже поспешили приписать ученикам Иисуса!). Там сказано: «Тебе, мирянин, подобает жертвовать, а епископу распоряжаться в качестве как бы эконома и администратора церковного имущества. Смотри, не требуй от епископа отчета и не следи за его расходами, как он их производит, когда, кому, где, хорошо или плохо. Ибо он обязан отчетом только богу, который дал ему в руки эту власть, который соблаговолил вручить ему столь высокий сан» («Апостольские постановления», канон 8, 30).

Епископы превратились в неограниченных владык.

Естественно поэтому, что все рассказы о вознаграждении бедняков на земле изымались из христианской литературы многочисленными редакторами и переписчиками. Приведенные выше изречения, не вошедшие в Новый завет, являются лишь незначительной частью списков тех притч и поучений, которые приписывались основателю христианства.

Логии из Оксиринха

Находки
в Оксиринхе

Изречения Иисуса, не совпадающие с каноническим текстом, которые ученые обнаружили у древних христианских писателей, были все же слишком немногочисленны, чтобы подорвать авторитет Нового завета.

Церковники объясняли их ошибкой авторов, неточностью или даже прямой фальсификацией, если изречения сохранились в апокрифах. Но в конце XIX в. на помощь историкам пришла археология. В 1897 г. в Оксиринхе, в Египте, были найдены среди множества других записей, сделанных на папирусах, восемь изречений на греческом языке, каждое из которых начиналось словами: «Говорит Иисус». А в 1904 г. в том же Оксиринхе было открыто еще шесть изречений (или логиев, как они назывались по-гречески). Многие изречения оказались полустертymi, но и сохранившиеся дали интересный материал в руки ученых, позволивший сделать вывод, что оксиринхские логики — оригинальное и независимое от канонических евангелий собрание изречений¹. В них включены как те изречения, которые встречаются в Новом завете, так и те, которые были включены в него в отредактированном виде или не включены вовсе. Списками изречений Иисуса пользовались и авторы апокрифов: отдельные логики встречаются в некоторых евангелиях, не признанных церковью (например, в Евангелии Фомы, о котором речь пойдет дальше).

Изречения, найденные в Оксиринхе, возникли в разное время. Сами папирусы относятся к концу II — началу III в., но текст изречений более древний. Среди беднейших слоев христиан, особенно в местах, удаленных от крупных центров христианства (таких, как Антиохия в Сирии, Рим, Карфаген в Северной Африке, где всем заправляли богачи-епископы), изречения Иисуса продолжали переписываться. Они были слишком популярны и хорошо известны, чтобы их можно было объявить подложными. Верхушка христианских общин, включая эти изречения в свои евангелия, «слегка» (а

¹ См., например, С. А. Жебелев. Евангелия канонические и апокрифические. Пг., 1919, стр. 71.

иногда и весьма существенно) их видоизменяла, некоторые же «забывала» включить совсем.

Что же именно не понравилось в этих изречениях составителям и редакторам четырех евангелий, которые впоследствии оказались наиболее пригодными для пропаганды идей господствующей церкви?

**Логия,
не включенные
в канон**

Мы остановимся только на тех логиях, правильное прочтение которых не вызывает сомнения. Вот, например, на оксиринхском папирусе имеется следующее изречение: «Говорит Иисус. Если вы не отречетесь от мира, не обретете царства божьего; если вы не будете соблюдать субботу, не увидите отца». Этого изречения в каноне нет. А между тем оно появилось еще до оформления новозаветных евангелий и имело хождение среди иудео-христиан: на это указывает требование соблюдать субботу, т. е. праздновать священный праздник иудеев.

Интересен также призыв отречения от мира, т. е. от всех мирских благ. Элементы аскетизма были и у ессеев, и у эбионитов. Только люди, отказавшиеся от мира, получают доступ в царство божье. Под «царством Божиим» первые христиане понимали не загробный мир, а то царство добра и справедливости, которое установится на земле после второго пришествия Христа. На ожидание скорого пришествия указывают даже некоторые места канонических евангелий, особенно самого раннего из них — Евангелия от Марка, которое подверглось меньшему редактированию¹. В Евангелии от Марка выра-

¹ «...Нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради меня и евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер...» (Марк, гл. 10, ст. 29—30). В несколько более позднем Евангелии от Матфея (гл. 19, ст. 29—30) слова «ныне, во время сие» опущены.

жение «царство божие» еще употребляется, но уже в Евангелии от Матфея оно начинает заменяться на «царство небесное»¹, чтобы верующие ждали награды не здесь, на земле, а на небесах, в потустороннем мире. Оксиринхский логий не устраивал редакторов канонической литературы из-за требования соблюдать субботу, так как во II в. большинство в христианских общинах принадлежало не евреям: греки, египтяне, римляне не желали соблюдать иудейскую обрядность. Безоговорочное требование отречения от мира также не устраивало христианских епископов, распорядившихся финансами общин и стремившихся оправдать свое привилегированное положение в них. Исключение логия из Нового завета — пример социальной тенденциозности составителей и редакторов канона. Ни древность изречения, ни ссылка на имя Иисуса не могли сделать это изречение священным.

Другой логий из Оксиринха, по-видимому, не был включен в канон из-за некоторого языческого привкуса: «Говорит Иисус. Где будут двое, там они не будут без бога, и где будет один сам с собою, я с ним. Подними камень, и там найдешь меня, рассеки дерево — и там». Если это изречение понимать буквально, то присутствие божества во всех предметах может быть связано с языческим обожествлением природы. Недаром это изречение было популярно среди египетских христиан: в Египте особенно были распространены культы животных, рек, гор (между прочим, именно поклоняясь горам, древние египтяне создали архитектурную форму пирамиды). Для египтян Христос не был иудейским проповедником, распятым за свои выступления про-

¹ Например: Марк, гл. 10, ст. 23: «Как трудно имеющим богатство войти в царство божие!»; Матфей, гл. 19, ст. 23: «Трудно богатому войти в царство небесное».

тив власть имущих, он был прежде всего божеством, и они распространяли на него черты своих местных древних божеств.

**Редактирование
изречений
Иисуса**

Среди оксиринхских логиев есть и такие, которые частично совпадают с каноническим текстом. Изучение их показывает, в каком направлении работала рука редактора. Один из логиев звучит следующим образом: «Говорит Иисус. Город, построенный на вершине высокой горы и укрепленный, не может ни упасть, ни быть сокрытым». Аналогичное изречение есть и в Новом завете, но там оно сильно сокращено: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Матфей, гл. 5, ст. 14).

Ходившее в списках изречение Иисуса, очевидно, относится к периоду до первого иудейского восстания, во всяком случае до взятия Иерусалима римлянами. Первые иудео-христиане призывали к укреплению своих общин в период смут и волнений. Но когда составлялось Евангелие от Матфея, Иерусалим оказался дважды разгромленным римлянами: первый раз — в результате восстания 66—73 гг., второй раз — после подавления нового массового восстания иудеев — 132—135 гг. Поэтому слова о невозможности падения «укрепленного» города могли вызвать нежелательные ассоциации и недоуменные вопросы читателей и слушателей. Кроме того, у евангелиста были и известные социальные мотивы. По Матфею, Иисус сравнивает с городом, стоящим наверху горы, своих учеников. Сравнение же с «укрепленным» городом, возможно, показалось евангелисту слишком воинственным, слишком близким по духу наиболее радикальным группам, призывавшим к борьбе и сопротивлению. Поэтому широко известное изречение Иисуса при редактировании Нового завета было сокращено.

Аналогичные мотивы руководили этим же автором и при переработке следующего изречения, текст которого найден в Оксирихе: «Говорит Иисус. Все, что не находится перед взором твоим и что сокрыто от тебя, будет открыто, ибо нет ничего сокрытого, что не стало бы явным, и погребенного, что не было бы воскрешено». Конец изречения в канонических текстах выброшен: «...Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано» (Матфей, гл. 10, ст. 26). В оксиринхском логии речь идет все о том же долгожданном втором пришествии и тысячелетнем царствии божьем на земле: тогда все тайны будут открыты и все мертвые воскреснут, чтобы продолжать свою земную жизнь. Для ранних христиан учение о воскресении не только души, но и тела было очень важным: они мечтали о рае на земле прежде всего¹. В начале же II в. руководители христианских общин уже начали постепенно глушить проповеди, связанные со вторым пришествием, в ожидании которого рядовые верующие отказывались мириться с господствующим строем и исполнять требования римских властей: они не хотели служить в римской армии, отказывались почитать императоров. В Евангелии от Матфея ссылка на воскресение погребенных убурана, чтобы не напоминать лишний раз об ожидаемом, но так и не наступавшем царстве добра на земле.

Причины изменения некоторых логиев в Новом завете могут быть поняты при сопоставлении разных канонических евангелий. Так, в одном из оксиринхских изречений говорится: «Не бывает принят пророк в своем отечестве, да и врач не лечит знающих его». Первая часть фразы о пророке приведена в трех евангелиях

¹ Отзвук этого проник и в церковную литературу II в. Ириней в своем сочинении «Против ересей» специальную главу посвящает «доказательству» воскресения тела.

(от Матфея, от Марка и от Луки) в рассказе о том, что Иисус не был признан жителями Иерусалима. Но слова о враче все три автора исключили. Почему? На этот вопрос поможет ответить сравнение рассказов евангелий. В самом раннем Евангелии от Марка, где редактирование вообще проведено не слишком тщательно, после слов о пророке указывается, что Иисус не смог совершить в Иерусалиме никакого чуда, только немногих больных исцелил (Марк, гл. 6, ст. 4). У Матфея весь эпизод подан иначе: Иисус не совершил (подразумевается: не пожелал совершить) многих чудес из-за неверия толпы: автор этого евангелия не мог допустить, что Иисус был не в состоянии совершить любое чудо! По-видимому, в источнике, которым пользовались евангелисты и где был приведен логий, впоследствии записанный в Оксирихе, Иисус фигурировал не в качестве богочеловека, а просто как один из иудейских пророков. Он далеко не всегда мог совершать нечто «чудесное» («чудеса» многих подобных, действительно живших пророков заключались обычно в том, что они путем внушения излечивали некоторые нервные болезни). В оправдание этому и приведены слова о враче. Авторам же канонических евангелий, даже автору Евангелия от Марка, слова о том, что Иисус как врач не мог лечить знающих его, показались слишком категоричными: какой же это сын божий, если он сам признает себя не всемогущим!

Кесарю — кесарево В 1935 г. был опубликован отрывок из какого-то неизвестного евангелия, найденного тоже в Египте. В этом евангелии большинство притч и изречений Иисуса совпадают с различными местами четырех канонических евангелий. Но в одном случае слова Иисуса приведены в иной редакции, возможно, более древней, чем в Новом завете. Согласно рассказу Марка (гл. 3, ст. 32—35), Матфея (гл. 22, ст. 16—31) и Луки (гл. 8, ст. 20—21), Иисусу с прово-

кационной целью, чтобы уличить его в неповиновении властям, задают вопрос: «Учитель!.. Позволительно ли давать подать кесарю, или нет?» В ответ на что Иисус говорит знаменитую фразу: «Отдавайте кесарево кесарю, а божие богу». В новооткрытом отрывке Иисус уклоняется от ответа на этот вопрос: он не хочет ни признать необходимость уплаты подати, ни открыто выступить против римлян. Он только упрекает спрашивающих в том, что они не слушают и не понимают его: «Иисус же, зная их образ мыслей, смятенный нечестием, сказал им: «Зачем вы называете меня своими устами — учитель, если вы не слушаете то, что я говорю. Хорошо Исаия пророчествовал о вас: этот народ почитает меня своими губами, но их сердце далеко от меня»...» Вероятно, автор этого отрывка (запись его на папирусе относится к середине II в.) пользовался какой-то записью изречений Иисуса, которую авторы Нового завета сочли нужным отредактировать.

Приведенные примеры показывают, что в основу канонических евангелий были положены различные списки изречений, якобы сказанных Иисусом Христом. Авторы новозаветных сочинений редактировали и перекраивали их по-своему; многие из них были настолько популярны, что не включить их совсем было нельзя. Большинство изречений были выкинуты или изменены именно потому, что они были созданы первыми христианами — рабами и бедняками, которые ненавидели богатей и, не имея возможности справиться с ними собственными силами, мечтали уничтожить их власть с помощью божества.

Конечно, епископы IV в., которые договаривались между собой, какие именно книги признать священными, знали о существовании списков изречений Иисуса. Для них было бы соблазнительно объявить эти изречения подлинными: вот истинное учение Христа, не

в пересказе учеников, а запись подлинных слов его. Но... как же быть тогда с золотом, которым вышиты одеяния епископов, с драгоценными камнями, которые украшают их митры, с землями, которые императоры, принявшие христианство, отбирали у языческих храмов и щедро раздавали церкви? Разве могли епископы выполнить требование изречений: отречься от мира и сделать «нижнее верхним»? И вот служители господи выступают против имени его: списки изречений, невзирая на то что каждое из них начиналось словами «Говорит Иисус», изымались и уничтожались. Но пески Египта сохранили их, и через шестнадцать веков они легли на стол ученых, чтобы самим своим существованием доказать лживость христианской легенды о подлинности и боговдохновенности священного Нового завета¹.

Как создавались логи

Итак, кроме евангелий — описаний жизни Иисуса, существовали еще списки его поучений, которые создавались раньше многих других христианских писаний, канонических и неканонических. Кто же был автором этих изречений? Может быть, именно они являются свидетельством подлинных учеников Иисуса?

Некоторые буржуазные ученые, стремясь спасти христианство от огня критики, утверждали, что в основу

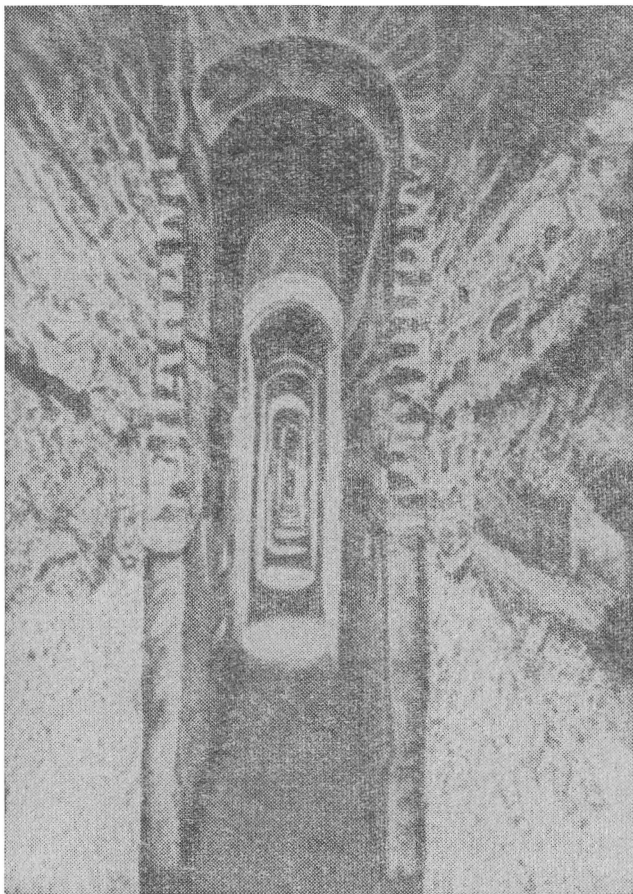
¹ Церковники не могли обойти молчанием опубликование оксиринских находок. Они всячески стремились доказать, что эти изречения лишь искажение евангельских текстов. Эти мысли, в частности, развивал защитник православной церкви профессор С. М. Зарин в своем большом докладе «Современные открытия в области папирусов и надписей в их отношении к Новому Завету» (Спб., 1914). Однако детальное сравнение показало, что во многих случаях изречения Нового завета явно являются лишь сокращением логи, текст которых был найден в Оксиринах.

новозаветных евангелий положен какой-то источник, который содержал реальную биографию Иисуса. Таких ученых обычно называют представителями исторической школы, т. е. школы, которая признает историческое существование Иисуса. Но эти ученые не могли точно указать, какие именно факты Нового завета взяты из «достоверного» первоисточника. Каждый из них имел свою точку зрения. Что же касается высказываний Иисуса, приведенных как в канонических евангелиях, так и в списках логиев, мало кто из представителей исторической школы рискнул объявить: вот это — подлинные слова Христа, а вот это — нет.

В 1946 г. в Египте было найдено евангелие, якобы написанное учеником Иисуса — апостолом Фомой. Оно в основном состоит из притч и изречений Иисуса. Некоторые из этих изречений совпадают с изречениями на оксиринхских папирусах. Эта находка лишней раз доказывает распространенность списков изречений Иисуса, как источника для его жизнеописаний. Американский ученый Филсон, сторонник исторической школы, сказал по поводу Евангелия Фомы, что, возможно, оно дает неизвестные подлинные речения Иисуса, но... какие именно фразы могут быть подлинными — определить трудно¹. Как видим, даже люди, стремящиеся во что бы то ни стало доказать существование Иисуса, не могут выделить подлинных его слов. Столь же мало оснований приписывать изречения кому-либо из учеников Иисуса: о их жизни мы знаем еще меньше, чем о их учителе.

Можно предполагать, что авторами всех этих изречений были бродячие проповедники первых веков нашей эры. Может быть, среди них и был какой-нибудь Павел из города Тарса, которого экзальтированные

¹ «Biblical Archeologist», vol. XXIV, 1961, № 1, p. 18.

Римские катакомбы. В подземельях Рима собирались по ночам первые христиане...

верующие нарекли святым и апостолом, или Иоанн с острова Патмоса, автор Апокалипсиса, или Николай, основатель секты николаитов, против которой этот Иоанн выступал... А может быть, они носили совсем другие имена, ничего общего не имевшие с именами новозаветных авторов: о жизни их мы ничего не знаем.

Как создавались изречения, якобы произнесенные Иисусом, можно проследить на примере некоторых таких изречений, включенных в Новый завет.

У кумранских сектантов, живших около Мертвого моря, существовал запрет торговать друг с другом. Только самое необходимое они могли иметь при себе. В I в. н. э. проповедники учения Иисуса облекли эти нормы поведения кумранцев в торжественную форму проповеди, сказанной их пророком Иисусом: «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха» (Матфей, гл. 10, ст. 9—11).

Когда странствующие апостолы и пророки стали обращаться к грекам, римлянам, египтянам, они искали образы, близкие и понятные именно этим людям.

Можно представить себе, как в душных подземельях Рима на сборище отчаивавшейся бедноты какой-нибудь запыленный проповедник рассказывал об Иисусе людям, продавшим свои клочки земли и пришедшим в столицу мира в надежде получить пропитание.

Где найти слова, чтобы эти люди, готовые на все ради куска хлеба, рукоплескавшие кровавым побоищам в амфитеатрах, уверовали в сына еврейского бога? Проповедник начинает рассказ о бедствиях Иисуса: «Лисицы имеют норы и птицы свои гнезда, а сын человеческий не имеет где преклонить главу...» (Матфей, гл. 7, ст. 20). Эти слова знакомы слушателям: когда-то давно они звучали в речах защитника римских крестьян Тиберия Гракха. Он был зверски убит богатыми землевла-

дельцами за то, что хотел дать крестьянам землю. Гракх тоже говорил: «И дикие звери в Италии имеют логова и норы, куда они могут прятаться, а люди, которые сражаются и умирают за Италию, не владеют в ней ничем, кроме воздуха и света...» (Плутарх. «Тиберий Гракх», 9).

Римские бедняки, слышавшие похожие слова, начали думать, что этот пророк из Галилеи, говоривший их языком, может быть, действительно вернется на землю и сделает то, чего не смог сделать Гракх...

Так создавались изречения. Одни из них забывались, другие распространялись все дальше и дальше, записывались на папирусах, пергаментах, глиняных табличках греческими, сирийскими, латинскими буквами. Папирусы с каким-то из этих списков и оказались найденными в Оксиринхе. Тексты логиев не были сочинены ни Иисусом, ни каким-нибудь из его учеников, но многие изречения появились в среде первых христиан — рабов и бедняков задолго до оформления четырех евангелий Нового завета и, возможно, даже раньше записей евангелий иудео-христиан.

ЕВАНГЕЛИЕ ПЕТРА, НЕ ПРИЗНАННОЕ ЕГО ПРЕЕМНИКАМИ

Апостол Петр и его писания

Преемники Петра В центре Рима, столицы Италии, существует по сей день государство в государстве — с особой гвардией, особой монетой и, конечно, собственной тюрьмой. Это государство — Ватикан, резиденция главы католической церкви папы римского. Невелики размеры Ватикана: площадь его всего сорок четыре гектара, но влияние папы простирается далеко за его пределы. Он духовный повелитель сотен миллионов католиков во всех частях света. Католические священнослужители постоянно внушают верующим, что слово папы — закон для них. Для того чтобы укрепить свой авторитет, папы учат, что они являются наследниками и преемниками апостола Петра, который, согласно древней христианской легенде, был основателем римской христианской общины. Римские папы даже пытались разыскать могилу Петра в Риме и объявить найденные кости в одной из могил останками самого апостола. Правда, это был слишком явный обман и сам папа вынужден был заявить в 1950 г., что нет никаких точных доказательств принадлежности костей ученику Иисуса.

Борьба за авторитет Петра началась давно. Христиане рассказывали, что Петр погиб в Риме во время мас-

совых казней 66 г. н. э., когда правил жестокий император Нерон. Поэтому уже в III в., когда епископы христианских общин Рима стали называть себя папами и претендовать на руководство всеми христианами империи, они начали утверждать, что именно Петр, легендарный первый епископ Рима, был самым главным учеником Христа. Правда, канонические евангелия не слишком много говорили о Петре: там даже рассказывалось, что, когда Иисус был взят под стражу, Петр трижды отрекся от него. Чтобы возвысить Петра в Евангелие от Матфея была вставлена фраза, на которой основывали и продолжают основывать свои претензии римские папы: «Ты — Петр (греческое «камень». — И. С.), и на сем камне я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи царства небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (гл. 16, ст. 18, 19). Этих слов нет в других евангелиях; их не знают писатели II в. Они появились около III в., когда римские епископы боролись за создание единой церковной организации под своим началом. В канон были включены и два небольших послания, приписываемых апостолу Петру.

Существовало
ли Евангелие
Петра?

Почему же так мало сочинений вошло в канон от имени первого ученика? Какой поддержкой пропаганде римских епископов явилось бы включение в канон не второстепенных посланий и не сомнительной фразы о ключах от царства небесного, а, например, рассказа Петра о жизни и учении Иисуса! Церковники не могли сфабриковать такого рассказа потому, что уже существовало Евангелие Петра, написанное раньше или, во всяком случае, одновременно с каноническими. Это евангелие было хорошо известно верующим; особенно почитали его в восточных провинциях.

Христианский писатель, один из «отцов церкви», Ориген ссылается на него. Упоминает рассказ Петра и Юстин.

Евсевий (IV в.) в «Церковной истории» приводит отрывок из письма антиохийского епископа Серапиона (около 200 г.), который отмечает, что Евангелие Петра пользовалось уважением среди некоторых христиан Сирии, но составлено, по мнению Серапиона, было не ими, а какой-то более древней еретической группой (Евсевий, VI, 12, 3—6). Итак, Евангелие Петра слишком хорошо знали, чтобы можно было позднее создать еще одно под этим именем. Тогда встает вопрос: как могло случиться, что оно не было включено в канон, что люди, называвшие себя преемниками Петра и всячески стремившиеся укрепить его авторитет, не признали сочинения, написанного от его имени? Вплоть до конца XIX в. ученые не могли ответить на этот вопрос.

Отрывок из Ахмима

Дважды
отвергнутое

В 1892 г. в Египте, в Ахмиме, археологи обнаружили на папирусе отрывок, содержащий описание казни и воскресения Иисуса. Отрывок был написан по-гречески; автор его называл себя «я, Петр». Итак, часть Евангелия Петра была найдена. Находка вызвала огромное количество статей и исследований. Церковники, особенно католические и православные, поспешили еще раз отречься от этого произведения. Они стремились доказать, во-первых, что Евангелие Петра подложное, во-вторых, что оно написано позже канонических и, в-третьих, что содержание его является искаженной переработкой материала Нового завета. Чтобы обосновать первое положение — непричастность апостола Петра к написа-

нию найденного евангелия, они воспользовались методом своих противников, доказывавших позднее происхождение Нового завета. Один из наиболее «ученых» священников православной церкви, протоиерей Рождественский, детально проанализировал отрывок и пришел к выводу, что он полон противоречий, неточностей и исторических несообразностей¹. «Даже в передаче собственных вымыслов,—воскликает Рождественский,—автор (евангелия.—И. С.) не может обойтись без ошибок и неясностей». Но ведь то же самое можно сказать о любом авторе новозаветных сочинений! Рождественский пытается уличить евангелиста в несообразностях: он обращает внимание на то, что, говоря об учениках Иисуса после его смерти, Петр пишет, что их было двенадцать, хотя двенадцатый — Иуда-предатель — никак не мог быть среди апостолов. Однако та же несообразность встречается и в Новом завете: в Первом послании к коринфянам говорится, что Иисус явился двенадцати (I коринф., гл. 15, ст. 5); двенадцать апостолов после смерти Христа упоминаются и в Евангелии от Иоанна (гл. 20, ст. 24). Но нелепостей Нового завета Рождественский старается не замечать. Неясности новооткрытого евангелия ничуть не отличаются от неясностей евангелий боговдохновенных; они вызваны тем, что авторы и редакторы всех этих сочинений не имели точного представления о событиях, которые описывали, и пользовались самыми разными источниками.

Зависимость апокрифа от четырех евангелий церковники доказывали очень просто: все, что не совпадает с рассказом Нового завета,—выдумка автора, все, что сколько-нибудь похоже, взято из этого рассказа. Правда, уже сразу после опубликования отрывка боль-

¹ См. В. Рождественский. Новооткрытый отрывок апокрифического евангелия Петра. Спб., 1895.

шинство добросовестных буржуазных ученых (такие, как представители исторической школы — Гарнак, Креденер, Шwegler и др.) высказались за раннее происхождение Евангелия Петра¹. Оно было создано, вероятно, еще до новозаветных евангелий: в середине II в. им пользовался писатель Юстин, который совсем не упоминает канонические евангелия.

**Рассказ
о казни Иисуса**

Отрывок из Ахмима начинается с описания суда над Иисусом. Во главе судей оказывается Ирод, тот самый Ирод Антипа, тетрарх, правитель Галилеи, по приказанию которого был казнен Иоанн Креститель. Именно Ирод выносит смертный приговор Иисусу: «Ирод царь повелевает взять господа, сказав им (судьям): что я повелел вам сделать с ним, делайте». Иисуса схватили, по дороге к месту казни над ним всячески издевались: «одели его в порфиру и посадили его на судейское кресло, говоря — суди праведно, царь израильский». Подробно описывает автор Евангелия Петра казнь, погребение и воскресение Иисуса. Во время всех мучений Иисус не сказал ни слова: «Он же молчал, как будто не испытывал никаких страданий». Только перед самой смертью он воскликнул: «Сила, моя сила, зачем покинула меня». И тут же умер. Уже здесь ясно видно расхождение с Новым заветом. Иисус, пока в нем пребывает некая высшая сила, не страдает; когда же она оставляет его, он сразу умирает. В канонических же евангелиях подчеркивается, что Иисус кричал на кресте. Один раз он крикнул: «Боже мой! боже мой! для чего ты меня оставил?» А второй раз просто громко

¹ Голландский ученый Г. Ван-ден-Берг Ван-Эйсинга, например, писал, что Евангелие Петра является древнейшей греческой обработкой первоначального арамейского евангелия (см. *Г. Ван-ден-Берг Ван-Эйсинга. Первоначальная христианская литература. М., 1929, стр. 12).*

«возопил» (Матфей, гл. 27, ст. 46—50; Марк, гл. 15, ст. 34). Для автора Евангелия Петра бог не может страдать и не может умереть: это нелепо с точки зрения его представлений о всеильном божестве. По его мнению, Иисус — человек, в которого вошла божественная сила. Умирает он только после того, как сила покидает его. А в канонических евангелиях вместо этой нелепости содержится другая, еще бóльшая: сам сын божий, слово божье страдает и умирает... как некогда страдали и умирали боги растительности в мифах первобытных людей. В это, может быть, и могли поверить люди, сохранившие пережитки первобытных представлений, но это никак не вязалось с учением о едином, всемогущем и всеблагом боге, учением, которое проповедовали первые христиане из иудеев.

Кто виноват в смерти Иисуса? Наиболее сильные расхождения с канонической версией содержатся в последней части Евангелия Петра. Здесь противопоставляется иудейский народ старейшинам и жрецам: после смерти Иисуса «народ ропщет и ударяет себя в грудь», а иудейские жрецы бегут к Пилату и просят его поставить стражу к гробу, «чтобы как-нибудь ученики, пришедшие, не украли его, и народ не поверил, что он воскрес из мертвых, и не сделал нам зла» (гл. 8, ст. 28). В Евангелии от Матфея тоже есть похожий рассказ, только там сняты последние слова, выразившие страх перед народом¹. В дальнейшем рассказе Петра страх иудейских старейшин перед народом выражен еще ярче: когда гробница Иисуса оказалась пустой, они снова бросились к прокуратору, чтобы тот приказал стражникам распустить слух о похищении

¹ «Итак, прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики его, придя ночью, не украли его и не сказали народу: «воскрес из мертвых»; и будет последний обман хуже первого» (Матфей, гл. 27, ст. 64).

тела Иисуса его учениками. «Ибо лучше,—говорили они,—быть нам виновными в величайшем грехе перед богом, чем попасть в руки иудейского народа и быть побитыми камнями» (гл. 9, ст. 48).

Весь сохранившийся отрывок Евангелия Петра из Ахмима пронизан ненавистью к иудейским первосвященникам. Это они и Ирод Антипа — судьи Иисуса, повинные в его смерти. Народ непричастен к этому, неправедные судьи всячески старались скрыть истину от него. Страх иудейской верхушки перед народом подчеркивается тем, что жрецы и старейшины поверили в воскресение Иисуса, но решили обмануть народ из опасения мятежа. Характерна еще одна деталь ахмимского отрывка. По каноническим евангелиям, прокуратор Понтий Пилат умывает руки перед толпой, которая кричит: «Кровь его (Иисуса.—И. С.) на нас и на детях наших». Эпизод с мытьем рук есть и у Петра (Пилат как бы смывает с себя кровь Иисуса), но это происходит в судилище, а не перед народом, который никакого участия в суде не принимал.

Авторы канонических произведений знали это евангелие или, во всяком случае, тот источник, которым пользовался Петр. В Евангелии от Луки (гл. 23, ст. 7) и Деяниях апостолов (гл. 4, ст. 27) также упоминается в числе судей Ирод Антипа. В одном древнем переводе Евангелия от Луки на латинский язык приведен рассказ об отчаянии и раскаянии народа после смерти Иисуса. По-видимому, этот рассказ был в каком-то раннем списке Евангелия от Луки, так как Татиан, ученик Юстина, знал его и привел в своем сочинении «Диатесарон» (свод четырех новозаветных евангелий).

При окончательной редакции Нового завета все места, противопоставлявшие иудейский народ жречеству, были опущены. Вина за смерть Иисуса должна пасть на всех иудеев. Не известный своей жестокостью римский

прокуратор и не священники, жившие за счет народа, нет, сам иудейский народ, невзирая на уговоры Пилата, потребовал смертной казни Иисуса. Чем же была вызвана эта правка? Почему христианские епископы во что бы то ни стало стремились очернить иудеев? На этот вопрос поможет ответить история иудейских событий в тридцатых годах II в.

Сын Звезды

Второе восстание

В 130 г. н. э. римский император Адриан решил одним ударом разрешить «еврейский вопрос»; он издал постановление, согласно которому иудеям запрещалось совершать обряды своей религии — делать обрезание, праздновать субботу. Иерусалим должен был преобразоваться в римскую колонию под названием Элиа Капитолина. Адриан рассчитывал, что поселение римлян в религиозном и политическом центре Иудеи сломит наконец сопротивление народа. Но результат получился обратный. В 132 г. вспыхнуло новое мощное восстание, во главе которого встал Симон бен Косеба. Он объявил себя мессией и стал называться Бар-Кохба — Сын Звезды. Большинство иудейских жрецов не признало его и дало ему презрительное прозвище Бар-Козба, что значит «сын лжи». За Бар-Кохбой пошла палестинская беднота. Восставшие развернули настоящую партизанскую войну. Им помогали все недовольные за пределами Иудеи. Как писал один древний историк, «весь мир был потрясен». Иерусалим оказался в руках восставших. Христиане из евреев, жившие в Палестине, первоначально примкнули к восстанию, но они отказались почитать Бар-Кохбу как мессию, и между ними произошел конфликт. Среди рукописей Кумрана обнаружены

письма на папирусе, адресованные Бар-Кохбой руководителю восставших, которые засели в пещерах на берегу Мертвого моря. В одном письме сказано: «Если не порвете всяких сношений с любым из галилеян, которых я спас, надену вам колодки на ноги»¹.

Бар-Кохба мог называть веровавших в Иисуса из Галилеи галилеянами, так как сам он, конечно, за мессию его не признавал. Можно предположить, что он спас группу галилеян, преследовавшихся властями, но, поскольку они не признали его мессией, запретил своим сторонникам общаться с ними.

**Разгром
восставших**

Отборные римские войска были брошены на подавление восстания, сам император приезжал в Иудею наблюдать за военными действиями. Только в 135 г. римляне вошли в Иерусалим и убили вождя повстанцев Бар-Кохбу. Последствия этого поражения оказались губительными для иудеев: они были выселены из Иерусалима и им под страхом смерти было запрещено приближаться к городу. Город был переименован, как и хотел Адриан, в Элиа Капитолина, а на месте иудейского храма был воздвигнут другой — в честь главного римского бога Юпитера. По всей империи проводилась ожесточенная антииудейская пропаганда. Разгром еще одного восстания иудеев заставил окончательно отречься от них руководителей христианских общин. Они всячески стремились отмежеваться от иудейства, прежде всего в глазах власть имущих. Это было не очень просто, ведь сам Иисус был иудеем. И вот начинает создаваться легенда о том, что в гибели основателя христианства повинен иудейский народ, а не только иерусалимские первосвященники, которые были готовы договориться с

¹ Об этих письмах см. «Revue Biblique», LX, 1953; А. Домини. Люди, идолы и боги, стр. 240.

римлянами и которые боялись гнева своего народа не меньше, чем гнева императора. Во многие христианские произведения вставлялись выпады против иудеев. «Это проклятый богом народ,— учили епископы,— так как они убили господу».

Пилат невиновен В канонических евангелиях рисуется совершенно невероятная с точки зрения исторической достоверности картина суда над Иисусом: разъяренная толпа буквально вырывает у Пилата согласие на его казнь, с криком: «Кровь его на нас и на потомках наших». Эта роковая фраза, вставленная каким-то хитроумным составителем, стремившимся снискать милость римских властей, вызвала впоследствии многие тысячи жертв религиозного фанатизма.

Вставки делались и в посланиях, приписываемых апостолам. А. Робертсон считает, что именно после разгрома восстания Бар-Кохбы появились в Первом послании к фессалоникийцам, якобы написанном Павлом, проклятия в адрес иудеев, «которые убили и господу Иисуса и его пророков, и нас изгнали, и богу не угождают, и всем человекам противятся...» (гл. 2, ст. 15). Естественно, что авторов этих строк не могло устраивать Евангелие Петра, в котором отражалась классовая борьба в Иудее. Не народ, который готов был побить камнями убийцу Иисуса, а священники и старейшины виновны в его смерти, утверждало Евангелие Петра. Нет, именно весь народ виновен (тот народ, который побивал камнями римлян), утверждают канонические евангелия. Вообще как могло нравиться епископам противопоставление народа священникам? И как ни выгодно было римским епископам распространять сочинения первооснователя римской общины, они отреклись от этого евангелия. Правда, оно было слишком хорошо известно, чтобы можно было так сразу покончить с ним. Отдельные группы верующих продолжали читать и

переписывать его (в том числе и египетские христиане из Ахмима). Еще в III в. некоторые писатели ссылались на него. Но после окончательной канонизации Нового завета Евангелие Петра было объявлено подложным, оно изымалось и уничтожалось вместе с другими негодными апокрифами. А в конце XIX в. оно вторично было подвергнуто отлучению, чтобы не смущать умы верующих своими расхождениями с Новым заветом.

Где было написано Евангелие Петра

**За или против
иудеев?**

Как ни пытались церковники доказать позднее происхождение Евангелия Петра, многим из них пришлось в конце концов признать глубокую древность апокрифа. Но и в настоящее время в науке не существует единой точки зрения на то, в какой среде и в какое время возник этот апокриф.

На некоторых ученых оказала влияние церковная критика отрывка из Ахмима, которая пустила в ход обвинение автора евангелия... в антииудаизме¹. Основываясь на том, что главными судьями Иисуса, по этому евангелию, были Ирод Антипа и старейшины, церковники стремились доказать, что целью Петра было обеление римлян и стремление показать в самом темном свете иудеев. Они доказывали, что евангелие было написано в секте так называемых докетов (от греческого «докео» — казаться), людей, которые не признавали человеческой природы Иисуса и считали его существование только кажущимся. Церковники рассуждали так: по Новому завету, Петр вел христианскую пропаганду

¹ Например, эту точку зрения повторяет С. А. Жебелев в работе «Евангелия канонические и апокрифические» (стр. 23 и след.).

именно среди евреев; он не мог допустить резких антииудейских выпадов. Раз в новооткрытом евангелии такие выпады содержатся, значит, оно подложное.

**Евангелие
Петра — иудео-
христианское**

В действительности евангелие, авторство которого приписывается мифическому апостолу Петру, являлось подложным в такой же мере, как и другие сочинения подобного рода. Оно было переработкой различных устных преданий и их записей. Основная направленность Евангелия Петра явно иудео-христианская. Именно иудео-христиане отделяли Иисуса человека от духа, сошедшего на него, противопоставляли первосвященников народу. В Евангелии Петра содержится рассказ о воскресении Иисуса. В нем, так же как и в Откровении Иоанна, воскресший Иисус не имеет человеческого облика: два мужа с неба вошли в гробницу и вывели третьего — «голова ведомого ими простиралась выше неба» (гл. 9, ст. 40). Воскресший Иисус становится фантастической фигурой.

В среде иудео-христиан не угасала ненависть к Ироду Антипе, который был в высшей степени безразличен какому-нибудь греку или римлянину. Да и Пилат здесь нарисован совсем иначе, чем в Новом завете. В канонических евангелиях прокуратор вынужден уступить разъяренной толпе — в Евангелии Петра никакой толпы нет. Пилат рисуется своего рода равнодушным скептиком, которому дела нет до религиозных распрей. Он умывает руки и спокойно предоставляет Ироду Антипе и иудейским первосвященникам делать свое дело. Он даже готов попросить Ирода выдать тело Христа (что ему до мертвого пророка!), но в то же время он немедленно выполняет просьбу старейшин поставить стражу к гробу Иисуса и скрыть его воскресение. Последний эпизод в ахмимском отрывке очень выразителен: стража и старейшины в ужасе прибегают к Пилату, «будучи в

великом смущении и говоря: «воистину сын был божий!»» (гл. 9, ст. 45). Пилат принял это известие очень спокойно: «Я не повинен в его крови,— отвечал он,— вы сами этого хотели» (там же). Когда же старейшины стали просить его, чтобы он запретил воинам рассказывать о воскресении, ибо народ выступит против них, Пилат «повелел сотнику и воинам не говорить ничего». Итак, Пилат стал соучастником если не самого убийства, то величайшего, с точки зрения христианина, обмана народа. Там, где речь шла о возможном выступлении народа, Пилат не колебался.

Пилат, выведенный в Евангелии Петра, вряд ли хоть чем-нибудь напоминает реального прокуратора Иудеи, известного нам по описанию Иосифа Флавия, но с точки зрения исторической достоверности этот образ гораздо более правомерен, чем Пилат канонических евангелий. Их было много, подобных правителей римских провинций, выходцев из богатой и развращенной римской аристократии. Они в высшей степени презирали все религиозные споры «черни» и вмешивались в них только тогда, когда они затрагивали интересы римского господства. Эта позиция хорошо отражена в переписке наместника Вифинии (провинция в Малой Азии) Плиния Младшего¹ с императором Траяном. Плиний спрашивает Траяна, как поступать с христианами. Император отвечает ему: «Выискивать их незачем: если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказать, но тех, кто отречется, что они христиане, и докажет это на деле, т. е. помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать, хотя бы в прошлом они и вызвали подозрение» («Письма», X, 97). Траяна меньше всего волнует сущность христианской религии, ему

¹ Он называется так в отличие от своего дяди, известного ученого-естествоиспытателя Плиния Старшего.

важно лишь одно: чтобы эти люди были лояльны по отношению к официальным установлениям. Нужно думать, что, когда автор Евангелия Петра описывал своего Пилата, он имел перед глазами римских наместников времен первых Антонинов (династия, правившая в Риме с 98 по 192 г.). Авторы же канонических евангелий (или их редакторы) вопреки всякой исторической логике заставили прокуратора Иудеи уступить толпе, чтобы иметь возможность обвинить эту толпу в убийстве Иисуса.

Итак, отрывок Евангелия Петра дает нам пример одного из древних евангелий, примыкающих к бесспорно иудео-христианским евангелиям эбионитов, назареев и др.¹ Его несоответствие каноническому рассказу наглядно показывает недостоверность и тенденциозность той традиции в изложении смерти Иисуса, которую церковь объявила единственной истиной².

¹ Существует сообщение епископа V в. Феодорита, что Евангелием Петра пользовалась секта назареев («Haeretic tabularum compend.», II, 2 — Migne, t. 83).

² В настоящее время руководители католической церкви, стремясь поднять свой авторитет среди народов мира, ищут сближения с другими христианскими церквями (православной, протестантскими и т. п.), меняют свое когда-то непримиримое отношение к инаковерующим и пересматривают некоторые прежние догмы и положения. В частности, на XXI вселенском соборе был поставлен вопрос о снятии с иудеев обвинения в распятии Христа, а из литургий было исключено определение иудеев как «проклятых богом».

Маркион

**Империя
при Антонинах**

Лет через пять после разгрома восстания Бар-Кохбы (примерно в 139—140 гг.) среди римских христиан появилась новая фигура, которая быстро выдвинулась на первый план. Это был Маркион, богатый судовладелец, приехавший из провинции Понт (южное побережье Евксинского понта, как называли Черное море греки). Его прибытие было встречено с радостью. Еще бы, ведь он внес в казну общины очень большую сумму — двести тысяч сестерциев! Сразу же по приезде Маркион начал развивать бурную деятельность. Он не был новичком среди христиан: в течение многих лет он разъезжал по городам Малой Азии и пытался сплотить христиан вокруг своего учения. Теперь он приехал в столицу империи, чтобы привлечь на свою сторону руководителей римской общины. Позиция Маркиона была четкой и определенной: никакого союза с иудейством в какой бы то ни было форме, никаких революционных выступлений; путь к спасению — только личное самоусовершенствование посредством отказа от земных наслаждений.

Появление подобных идей в конце тридцатых годов II в. среди некоторых слоев христиан не случайно. Это

было время правления императоров династии Антонинов — время, когда власть императоров казалась современникам незыблемой, устойчивой. Колоссальная держава раскинулась от Пиренеев до Армянского нагорья, от Дуная до Евфрата. Император Адриан отказался от дальнейшего расширения империи, и население ее могло передохнуть от напряжения военных походов. Маркион приехал в Рим в начале правления самого «спокойного» из римских императоров — Антонина Пия (благочестивого). Антонин Пий царствовал долго — с 138 по 161 г., но история сохранила мало ярких эпизодов или бурных событий, связанных с его царствованием. Хорошо организованный, разветвленный бюрократический аппарат, состоявший теперь в основном из провинциалов, ставших профессиональными чиновниками, держал под неусыпным надзором всех жителей империи. Правда, покой и устойчивость империи были далеко не прочными. Вступив на престол, Антонин Пий вынужден был отменить недоимки по государственным налогам, которые достигли таких размеров, что их все равно нельзя было собрать. Помня о страшном иудейском восстании Бар-Кохбы при своем предшественнике Адриане, Антонин несколько смягчил религиозную политику: разрешил иудеям исполнять свои обряды, приостановил преследования христиан. Разумеется, все эти мероприятия преподносились как благодеяния щедрого и милостивого императора. Однако, когда в Египте начались какие-то волнения и египетский хлеб не был вовремя подвезен в Рим, голодная беднота забросала камнями повозку самого благочестивого Антонина. В источниках глухо сообщается об отдельных выступлениях народных масс в различных частях империи, но Антонин, пользуясь то подачками, то наказаниями, сумел подавить эти движения в зародыше. Кто мог предвидеть, что через какие-нибудь тридцать — сорок лет вся империя будет охвачена жесто-

чайшим кризисом, вспыхнет новая волна восстаний, варвары со всех сторон будут угрожать границам империи, а почти каждая провинция провозгласит своего императора!.. Антонин Пий был в зените своего могущества.

**Евангелие
Маркиона**

И многие старейшины христианских общин начинали думать о необходимости примирения, а может быть и союза, с «милостивым» императором, об отказе от каких бы то ни было форм сопротивления верховной власти. Правда, они еще не решались прямо заявить об этом: среди рядовых верующих — бедняков были сильны традиции христиан I в., с их непримиримостью к богатству и угнетению. А Маркион решился. Его целью было реформировать христианство, очистить его от иудейской «скверны», которая прежде всего связывалась в его глазах с восстанием 132—136 гг.

Свою проповедь Маркион начал в Малой Азии, вероятно уже во время этого восстания. В конце тридцатых — начале сороковых годов он обосновался в Риме. Маркион не только проповедовал — он написал собственное евангелие и распространил среди христиан произвольно им отредактированные послания, приписываемые апостолу Павлу. Писания Маркиона не дошли до нас (впоследствии церковь их не признала), но содержание его учения и его евангелия можно восстановить на основании цитат в произведениях его противников.

Евангелие Маркиона представляло собой сокращенное и измененное Евангелие от Луки. Уже сам этот факт говорит о том, насколько вольно обращались в первые века нашей эры христиане со своими священными книгами — ничего твердо определенного, ничего канонического не существовало. Недаром сатирик и атеист II в. Лукиан называет своего Перегринна — шарлатана и проходимца — автором многих христианских книг. Только память об этих книгах исчезла, а память о сочинениях

Маркиона, который сумел приобрести большое влияние, сохранилась.

В Евангелии Маркиона отсутствовали легенды о рождении Иоанна Крестителя и Иисуса. Все фразы о том, что голодные насытятся, а правители будут сброшены с престолов, были выкинуты. Его Иисус не был сыном Марии, выросшим в доме плотника Иосифа. Нет, он прямо сошел с небес в пятнадцатый год правления Тиберия в Капернауме и выступил с проповедью сначала в синагоге этого города, а затем в Назарете. Маркион считал, что Иисус не был человеком, а лишь принял человеческий облик. Никаких мучений это бесплотное существо, конечно, претерпеть не могло. Маркион, следовательно, начисто отрицал тот образ спасителя несчастных и угнетенных, который «из-за слабых был слаб, из-за голодных голодал, из-за жаждущих испытывал жажду», образ, созданный первыми христианами. Маркион на этом не остановился, он выступил против признания Ветхого завета — священной книги иудеев. Если Иисус — сын и посланник божий, то во всяком случае не иудейского бога Яхве, который, по Маркиону, являлся носителем зла. Иринея писал о Маркионе: «Он бесстыдным образом богохульствует против проповеданного законом и пророками бога, говоря, что он — виновник зла, жаждет войны, непостоянен в своих намерениях и сам себе противоречит. Иисус же происходил от того отца, который выше бога, творца мира...» («Против ересей», I, 27, 2). Однако, критикуя Ветхий завет, вскрывая нелепости и противоречия иудейской религии, Маркион придумал нового бога — всеобщее абстрактное добро, которое существует над миром. Для того чтобы верующие могли спастись, они должны заниматься личным самоусовершенствованием. Маркион, в частности, проповедовал безбрачие, но никаких социальных призывов не выдвигал.

**Борьба
с Маркионом**

Учение Маркиона быстро распространилось среди части христиан различных провинций. Сторонники Маркиона были в Италии, Египте, Сирии, Аравии. Руководители христианских общин относились к Маркиону двойственно. Они сами стремились порвать с иудаизмом, найти пути примирения с государственной властью. Но Маркион, с их точки зрения, действовал слишком решительно, выбрасывая из христианских писаний лозунги против богатых, освященные древней традицией и популярные среди христиан-бедняков. Если для какого-нибудь раба-грека или раба-перса, замученного непосильным трудом на серебряных рудниках Испании или в каменоломнях Италии, было в высшей степени безразлично, как относиться к еврейскому богу Яхве, то вера в царство божье на земле, где все будут равны и счастливы, была для него самым главным в христианстве. В середине II в. старейшины общин (пресвитеры) еще не могли пойти против основной массы верующих; они вынуждены были начать борьбу с Маркионом. Римская община исключила его из своих рядов, ему даже вернули его взнос. Но Маркион не унимался и распространял свою Библию, состоявшую из одного евангелия и десяти посланий Павла, также им переделанных. Он написал еще одно сочинение, «Антитезы», где он пытается теоретически обосновать свое произвольное обращение с христианскими источниками. В частности, он утверждал, что Евангелие от Луки подверглось переработке со стороны защитников иудейства, которые вставили туда цитаты из иудейских священных книг (Тертуллиан. «Против Маркиона», IV, 4). Это утверждение Маркиона, так же как и его «редакторская» деятельность, показывает, что разные вставки, переделки, сокращения христианских сочинений были правилом для II в. Недаром философ Цельс, один из древних критиков хри-

стианства, упрекал христиан в том, что они по многу раз переделывают свои священные книги.

Руководители римской общины вели длительные переговоры с Маркионом. В конце его жизни ему предложили вернуться в общину и вновь обратиться в истинную веру своих последователей. Но Маркион умер, не успев выполнить это требование.

Влияние Маркиона и его сторонников было очень велико. В связи с его критикой Ветхого завета в ряд христианских сочинений были внесены изменения. И кто знает, сколько в «священных» посланиях апостола Павла фраз, вставленных туда еретиком Маркионом!

Учение Маркиона о Христе-духе, о Христе — слове божьем, бесплотном и нестрадавшем, не было только его изобретением. Оно было близко к целому ряду религиозно-философских учений о логосе («логос» по-гречески — слово, мысль) — посреднике между совершенным божеством и грешным миром — порождением зла. Эти учения появились еще до возникновения христианства и проникли затем в христианскую среду. В науке принято объединять их под общим названием гностицизма (от греческого слова «гносис», что означает знание). Проповеди Маркиона были во многом близки гностицизму, поэтому он сравнительно быстро нашел себе сторонников и единомышленников.

Учения гностиков

Всеобщая апатия В условиях укрепления единоличной власти императора, основанной на военном господстве, когда малейшая оппозиция жестоко подавлялась, глубокая апатия охватила все слои общества. Хотя Антонины на время прекратили массовые казни и преследования, в памяти людей оставались

страшные годы правления императоров I в., которые за-
точали, казнили, ссылали по малейшему подозрению. Историк того времени Корнелий Тацит оставил яркое описание этих преследований, достигших особого раз-
маха при императоре Нероне. Узнав о существовании заговора против него, Нерон приказал хватать и умерщ-
влять всех хотя бы отдаленно знакомых с заговорщи-
ками. «Город наполнился похоронами...— пишет Та-
цит,— кто потерял сына, кто брата, у кого был убит
родственник, у кого друг — и все благодарили богов,
украшали дома лаврами, обнимали колени Нерона и
утомляли его руки поцелуями, а он принимал это за иск-
реннее выражение радости...» (Тацит. «Анналы», XV,
74). Ничто не могло спасти — ни знатность, ни богат-
ство, ни слава: был убит поэт Лукан, под угрозой казни
вскрыл себе вены учитель Нерона философ Сенека. Это
было время, когда, по словам Ф. Энгельса, даже свобод-
ные люди по отношению к государству, т. е. к импера-
тору, были так же бесправны, как и рабы по отношению
к своим господам¹. Естественно, что в этой обстановке
страх, неуверенность в завтрашнем дне проникли и в
высшие слои римского общества. Модной философией
тогда было учение о мире как о порождении зла. Тот
самый Сенека, которому его бывший питомец послал
приказание вскрыть себе вены, как бы чувствуя непроч-
ность своего положения, проповедовал, что конечным
идеалом мудреца является смерть и вся жизнь должна
быть подготовкой к смерти.

Гносис Казалось, никакого выхода не было...
И многие люди, которые были воспи-
таны на сложных рассуждениях греческой философии и
которые не могли удовлетвориться примитивной сказ-
кой об умирающем и воскресающем спасителе, искали

¹ См. Ф. Энгельс. О первоначальном христианстве, стр. 8.

утешения в запутанных мистических построениях, магических обрядах, тайных сборищах, куда могли проникать только избранные. Такими учениями, порожденными отчаянием, пессимизмом и крайним индивидуализмом, были учения гностиков. Но гностики стремились не к познанию реального мира и его законов, а к «познанию» потустороннего, таинственного, выдуманного ими самими «надмира».

Гностицизм не был единым течением или группировкой. Было множество различных гностических школ и объединений, организационно между собой не связанных и часто враждовавших друг с другом. Общим у них было учение о том, что мир, в котором живут люди, создан не высшим абсолютно справедливым божеством, а силами зла, которые существуют наряду с добрым началом. Ничто мирское, телесное не может спастись, только избранные люди, в которых заложена крупица божественного знания (гносиса), могут освободиться от мира и слиться с божеством. Гностики делили всех людей на три категории: телесных, душевных и духовных (пневматиков). Первые — это простые смертные, живущие заботами о своих материальных нуждах; они все погибнут. Душевные могут при помощи различных добрых дел и самоусовершенствования приблизиться к пониманию божественной сущности, но только пневматики являются избранниками бога. Помогают этим людям достичь божества различные посредники между богом и миром. У некоторых гностиков это учение было невероятно усложнено рассказами о возникновении мира: он представлялся им наподобие многоступенчатой пирамиды, на вершине которой находится благой бог, а спускающиеся ступени (различные ангелы, силы, власти — по-гречески «архонты») постепенно теряют свое совершенство. Внизу же господствует зло.

**Филон
Александрийский**

В учении иудейского философа Филона, жившего в Александрии в первой половине I в. н. э., сформулирован тезис о том, что верховное божество выше всякого понимания. Посредниками между этим богом и миром являются силы божьи — его благодать, справедливость, могущество, мудрость и слово (или разум) — логос. По Филону, человек через логос достигает общения с богом в блаженном экстазе.

В христианской религии некоторые последователи гностических учений тоже увидели идею посредника-между божеством и миром. Они объявили, что Христос и есть логос, слово божье, призванное спасти избранников и помочь им духу соединиться с божеством.

**Гностики-
христиане**

Во II в. н. э. появляется большое количество групп христианских гностиков, прежде всего в восточных провинциях — Египте, Сирии и Малой Азии. Их представление об основателе христианства резко расходилось с тем, что создали первые иудео-христиане. Прежде всего, Христос никак не мог быть сыном еврейского бога Яхве, которого они называли бессильным и даже злым началом. Немыслимо, чтобы злой мир был создан добрым богом. Были секты, почитавшие все те библейские персонажи, которые в Библии выступают противниками бога; так, была секта поклонников Каина (по библейской легенде, Каин, сын Адама, убил своего праведного брата Авеля); секта поклонников змия (того самого змия, который якобы соблазнил Еву и привел людей к изгнанию из рая). Члены этой секты считали, что именно змий и был носителем истинного познания.

Большинство гностиков начисто отрицало человеческую природу Иисуса. Только дух (слово) являлся людям в человеческом облике. Конечно, логос нельзя распять на кресте. Поэтому было несколько толкований

распятия: одни считали, что пребывание Христа на кресте было только кажущимся, другие — что Христос вообще исчез до распятия, а ослепленные иудеи по ошибке казнили вместо него некоего Симона, который якобы нес крест для Иисуса к месту казни.

Валентин
и Василид

Один из наиболее видных гностиков II в., Валентин, глава египетских гностических групп, писал об Иисусе:

«...он ел и пил особенным образом, не отдавая пищи; сила воздержания была в нем такова, что пища в нем не разлагалась, так как сам он не подлежал разложению» (этот отрывок приведен у Климента Александрийского — Strom. 7, 59). Здесь ясно подчеркивается особая, нечеловеческая природа Иисуса. В этом образе нет ничего общего с защитником бедных и угнетенных; никакого царства божьего на земле, когда для голодных будут расти виноградные деревья. Люди, проповедовавшие гностические учения, не верили в возможность установления счастья на земле даже с помощью всемогущего бога... Только полный уход из мира, углубление в самих себя, изучение сложнейших мистических учений, которые здравомыслящему человеку могли показаться бредом сумасшедших, только это, по мнению гностиков, и есть удел избранников.

Из представления о том, что мир и вообще все материальное — зло, осужденное на гибель, разные группы гностиков делали прямо противоположные выводы. Одни проповедовали крайний аскетизм, в том числе и раннехристианское требование отказа от богатства. Другие, наоборот, предавались крайней распущенности: тело все равно должно погибнуть, а духовному элементу, если он заложен свыше в избранниках, повредить нельзя.

Ко всяким активным действиям гностики относились отрицательно, даже к тем слабым попыткам протеста, которые можно наблюдать среди христианских низов

(например, отказ поклоняться статуям императоров). По учению видного гностика II в. Василида, истинное благо для всех существ придет только тогда, когда каждое из них будет знать только самого себя и свою сферу. Василид безразлично относился к такому острому для христиан вопросу, как отступничество при гонениях: не нужно никакого мученичества, никакой борьбы — отречется внешне человек от своей веры или нет, ничего не изменится.

Гностики образовывали тайные союзы, куда попасть, в отличие от обычных христианских общин, было очень трудно. Вступающие должны были давать особые клятвы. Вот одна из таких клятв: «Клянусь благим, который выше всего, хранить эти тайны и никому их не говорить, а также не отвращаться от благого к твари»¹. Некоторые такие группы селились в уединенных местах, далеких от больших городов, чтобы избежать общения с инаковерующими².

Какими же способами гностики пытались воссоединить свой дух с божеством? Ничего нового они не создали, а заимствовали эти методы из различных колдовских обрядов языческих восточных религий. Цельс специально описал нелепые магические действия гностиков: «Они пользуются магией и волшебством, называя какие-то варварские имена демонов... заповедали очистительные обряды, гимны, искупления, заговоры, бие-ние себя в грудь, ряжение в демонов, разнообразные амулеты в виде одеяний, чисел, камней, растений, корней и вообще самых разнообразных предметов» («Правдивое слово», IV, 38—39).

¹ См. А. Дрекс. Происхождение христианства из гностицизма. М., 1930, стр. 55.

² Наследием этих сект в христианстве явилось монашество, несвойственное ранним христианам — рабам и ремесленникам.

**Почему церковь
не признала
гностических
писаний?**

Гностические школы, за немногими исключениями, были реакционным течением в христианстве. Рядовые верующие, сохранившие идеалы первых христиан, жители западных районов империи, которым была абсолютно чужда вся эта восточная магия, не принимали учений гностиков. Они не могли ни понять их сложных рассуждений о ступенях мироздания, ни отказаться от надежды на второе пришествие Христа, которое спасет всех обездоленных, а не только пневматиков.

Христианские епископы оказались в затруднительном положении: с одной стороны, они сами стремились заглушить демократические лозунги, с другой, они не могли не понимать, что учение об узком круге избранных сократит приток верующих в христианские общины. Поэтому руководители ряда общин выступили против учений гностиков. Епископ Ириней большую часть своего сочинения «Против ересей» посвятил полемике с гностиками. Он отстаивал христианский тезис о том, что каждый уверовавший в смерть и воскресение Христа может спастись, что не только душа, но и тело будет воскрешено. Борьба с гностицизмом была делом долгим и трудным. Чем дальше отходили руководители общин от демократических идеалов раннего христианства, чем больше приходило в среду христиан зажиточных людей, тем быстрее распространялось учение, требовавшее лишь духовного усовершенствования, а не каких-либо социальных перемен.

**Влияние гностиков
на Новый завет**

Ранние христиане отказывались почти от всех обрядов, чтобы сделать свою проповедь понятной представителям разных религий и народностей. Гностики вводили множество магических действий, обрядов, таинств. Конечно, считаться избранными было выгодно старей-

шинам и епископам, но как сделать, чтобы не отпугнуть верующих? Постепенно в священные книги христиан, в том числе и те, которые на соборах IV в. были признаны церковью каноническими, проникли идеи гностиков. Можно вспомнить начало четвертого евангелия Нового завета: «В начале было слово (в греческом подлиннике — логос), и слово было у бога, и слово было бог» (Иоанн, гл. 1, ст. 1). Этот логос, по Иоанну, и был Христос: «...Слово стало плотью, и обитало с нами...» (Иоанн, гл. 1, ст. 14). В четвертом евангелии нет рассказа о рождении Иисуса от Марии; матери своей он говорит: «Что общего между мной и тобой, женщина?» (Иоанн, гл. 2, ст. 4). Иисус в Евангелии от Иоанна совсем не тот защитник бедных и угнетенных, каким он выступает в логиях и черты которого еще сохраняются в первых трех канонических евангелиях. Основное требование к верующим, вложенное в уста Иисусу, — обрести в себе святой дух. «Если кто не родится от воды и духа, не может войти в царствие божие. Рожденное от плоти есть плоть; а рожденное от духа есть дух» (Иоанн, гл. 3, ст. 5—6). В этой фразе явное влияние гностических догматов о том, что ничто телесное не может спастись. Так же как в писаниях Валентина, Иисус четвертого евангелия не ест обычной пищи; когда ученики его предлагают еду, он отвечает им: «У меня есть пища, которой вы не знаете... Моя пища есть творить волю пославшего меня и совершить дело его» (Иоанн, гл. 4, ст. 31—34). Подобные примеры можно было бы умножить. В науке существует точка зрения, что Евангелие от Иоанна возникло в Египте¹ (именно в Египте был обнаружен самый ранний фрагмент этого евангелия на папирусе, относящийся к началу II в.), где особенное распространение получили гностические учения.

¹ См. Ю. П. Францев. У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., 1959, стр. 472.

Влияние гностиков можно проследить и в посланиях, приписываемых апостолу Павлу. В Первом послании к коринфянам упоминается гностическое деление всех людей на телесных, душевных и духовных (1 коринф., гл. 4, ст. 14—21). К пневматикам автор послания причисляет руководителей общин — апостолов и пророков, стремясь обосновать особое положение этих последних.

Однако заимствуя целый ряд гностических положений, прежде всего отвечающих интересам христианской верхушки, представители ее отрекались от своих первоисточников. Все, что они проповедовали и писали, должно было выглядеть как результат божественного вдохновения, как пересказ учения сына божьего Иисуса, но отнюдь не учения Валентина, Василида или Маркиона. Принять их религиозные спекуляции целиком они не могли, поэтому они всячески старались уничтожить следы заимствования.

После канонизации священных книг, входящих в Новый завет, многочисленные писания гностиков уничтожались и объявлялись под запретом, так же как и сочинения иудео-христиан и других, с точки зрения церкви, еретических групп. А писали гностики действительно много. Мы уже говорили о Евангелии Маркиона. О содержании евангелия, написанного Василидом, мы знаем очень мало. О другом евангелии с возмущением пишет Иринея в сочинении «Против ересей»: «Последователи Валентина... дошли до такой степени дерзости, что свое недавнее сочинение озаглавливают Евангелие Истины» (III, II).

Было еще большое количество евангелий, от которых, в основном, дошли только названия. Судя по той полемике, которая содержится в произведениях церковных писателей, эти евангелия представляли собой не жизнеописание Иисуса, а собрание его поучений, которые он говорит своим ученикам, являясь им после

смерти. Последняя деталь характерна для гностиков: Иисус-человек их не интересовал. Именно после смерти, воскресший и преображенный, логос рассказывает своим почитателям тайны потустороннего мира.

Некоторые отрывки из гностических евангелий приводятся в сочинениях церковников. Вот, например, отрывок из Евангелия Евы (у гностиков было и такое!): «Я услышал голос как бы громовой и приблизился, чтобы его послушать, и он заговорил со мною и сказал: я — ты и ты — я и где ты будешь, там буду я, ибо повсюду рассеян»¹. Здесь, конечно, ничто не напоминает слов «сына человеческого» (как часто называют его канонические евангелия) Иисуса: бог всюду, и внутри человека тоже, — нужно только духовно воссоединиться с ним.

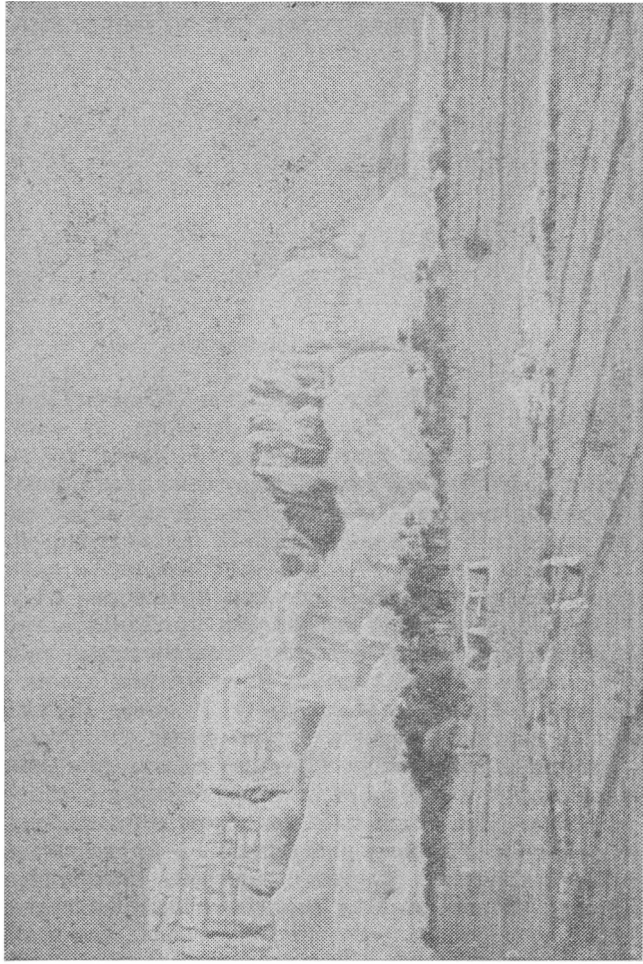
Подобные отрывки, по существу, дают очень мало представления о гностическом христианстве, о трактовке образа Иисуса, его учении и о расхождениях с каноном. И только сравнительно недавние археологические открытия дали в руки ученых подлинные цельные сочинения некоторых гностических групп Египта, сочинения, которые христианская церковь преследовала и считала апокрифами.

¹ См. С. А. Жебелев. Евангелия канонические и апокрифические, стр. 83.

Египетские гностики

Открытие в Хенобоскионе

В 1946 г. в Верхнем (Южном) Египте, к северу от Луксора, на восточном берегу Нила, на месте древнего поселения Хенобоскион, была обнаружена целая библиотека, принадлежавшая группе египетских гностиков. Между серединой III и серединой IV в. гностики, жившие в Верхнем Египте, собрали наиболее значительные произведения, отражавшие основные положения их учения. Это собрание было оформлено приблизительно в то же время, к которому относится канонический список Ветхого завета и Нового завета на греческом языке, составленный в Нижнем (Северном) Египте. Вероятно, египетские гностики решили в противовес этому собранию оформить свой канон (Ветхого завета они совсем не признавали), и они собрали самые важные, с их точки зрения, сочинения. Всего найдено сорок четыре произведения различного жанра: рассуждения о происхождении мира, догматические трактаты, диалоги, апокалипсисы и, наконец, евангелия. Ряд гностических произведений, которые упомянуты у церковных писателей, были обнаружены в Хенобоскионе. Так, одно из евангелий действительно называется Евангелием Истины, как об этом

Хеноскион — убежище египетских гностиков.

писал Ириной. Цитаты из произведения, которое эти писатели называли Евангелием египтян, оказались составной частью гностического сочинения под характерным названием «Книга великого невидимого духа».

Гностическая литература из Хенобоскиона написана на коптском языке — языке местного населения Египта. Но в основном это переводы с более ранних греческих оригиналов.

Еще не все хенобоскионские находки опубликованы и достаточно изучены. Наибольший интерес и полемику вызвали три евангелия — Евангелие Истины, Евангелие Филиппа и Евангелие Фомы (Филипп и Фома, по христианской легенде, были учениками Иисуса).

Существование библиотеки христианских гностиков в Египте не случайно: в этой римской провинции начиная со второй половины II в. было довольно много замкнутых христианских общин, живших преимущественно в Верхнем Египте — в районе Ахмима, Асьюта, Хенобоскиона.

Христиане в Египте

Первоначально христианская религия в Египте распространялась среди еврейского населения Александрии — крупнейшего торгового города Египта. Иудеи Александрии в какой-то мере пользовались привилегиями по сравнению с иудеями из других районов империи. Император Клавдий даже запретил переселяться туда иудеям из Сирии и остальных областей Египта. Но благополучие александрийских иудеев висело на волоске. Между ними и греческим населением города происходили постоянные стычки. Императоры, напуганные многочисленными выступлениями как в Палестине, так и вне ее, настороженно относились к иудеям вообще. В письме императора Клавдия (41 г. н. э.) александрийцам, написанном после очередного столкновения между греками и иудеями, содержатся угрозы в адрес иудеев, как «возбуждающих некую общую болезнь всего мира».

В зажиточных, образованных кругах александрийских иудеев и было создано учение Филона о посреднике — логосе. Страдая от произвола императора, боясь выступлений народа, эти люди ждали спасения только от этого мистического спасителя, который откроет избранникам божественное знание. Именно такого посредника и увидели некоторые александрийские иудеи в Иисусе. Выступления палестинских иудео-христиан против богатства были им с самого начала чужды.

Со II в. к христианству стали примыкать и жители сельских местностей. В Египте это произошло раньше, чем в других провинциях, где основная масса последователей новой веры вербовалась из городской бедноты и рабов, не связанных с традиционными местными культурами¹.

Бегство крестьян

Египетские крестьяне в первые века нашей эры находились в тяжелом положении. Рим присоединил Египет в 30 г. до н. э. В наследство римлянам от последних египетских царей, неспособных вести сколько-нибудь самостоятельную политику, досталось расстроенное хозяйство. Оросительная система, без которой невозможно земледелие в сухом и жарком климате Египта, была запущена. Жестокий налоговый гнет римлян приводил к разорению крестьянства. Египет был одним из главных поставщиков хлеба в города Римской империи, и сборщики налогов прибегали к самым изощренным средствам, чтобы выколотить из крестьян подати. Вот как описывает Филон Александрийский в одном из своих сочинений действия такого сборщика налогов (он назы-

¹ В этом отношении интересно происхождение слова «поганный». Оно восходит к латинскому «рагави» — «сельский житель». Так как в среде крестьянства долго сохранялись языческие культы, то слово «рагави» в устах христиан приобрело презрительный оттенок — нечестивый, язычник.

вался эклогистом): «Недавно некий эклогист, назначенный к нам, когда некоторые недоимщики вследствие бедности своей бежали из страха жестоких наказаний, насильно привел их жен, детей, родителей и прочую родню, стал их бить, поносить и всячески мучить, чтобы они либо указали местонахождение беглеца, либо уплатили за него. Но они не могли выполнить ни того, ни другого, так как не знали, где находится бежавший, и были не менее нищи, чем он. Тогда он (эклогист.— И. С.), предварительно подвергнув мучениям и пыткам, предал их изощренной казни. Привязав веревки к корзинам, наполненным песком, он вешал им на шею эту неимоверную тяжесть, чтобы они сами изнемогали от жестокой муки, от непогоды и солнца, от стыда перед прохожими, от привешенной тяжести...»

Ответом на репрессии было массовое бегство крестьян из своих деревень. В одном из папирусов II в. н. э. сообщается, что в селе «люди большей частью исчезли, ибо раньше в селе было людей 85, теперь же (число их) уменьшилось до 10, а из них 8 человек ушло»¹. Куда было деваться потерявшим землю людям? Они становились нищими бродягами, шли в батраки, превращались в каменных рабов. Многие из них, отчаявшиеся, усталые, потерявшие дом, вступали в тайные общины христианских гностиков самых различных толков. Они часто селились в уединенных местах, преимущественно в Верхнем Египте: там с конца II в. появляются монашеские секты. Конечно, сложные рассуждения гностиков были непонятны крестьянам, но магические обряды, заимствованные из местных языческих верований, были привычны для них. Никаких надежд на массовое спасение у них не было, даже путем второго пришествия.

¹ См. А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи. М.— Л., 1949, стр. 197.

Деклассированные, одинокие, они мечтали только об индивидуальном спасении в потустороннем мире.

Сложный состав гностических групп в Египте отразился и на идеологической направленности их литературы. Мистические бредни, отказ от каких бы то ни было активных действий сосуществовали в ряде произведений с выпадами против богатства. Таковы и хенобоскионские сочинения: в некоторых из них можно найти отрывки, восходящие к самой ранней христианской традиции, которые в Новом завете уже отредактированы.

Новооткрытые евангелия

Евангелие Истины

Три рукописи из Хенобоскиона названы евангелиями, хотя по форме они отличаются от других канонических и апокрифических евангелий: в них нет изложения биографии Иисуса, а содержится только подбор различного рода изречений и поучений.

Евангелие Истины названо так по первым словам рукописи: «Евангелие Истины является радостью для тех, кто через отца Истины получил милость познать могущество Слова, которое пришло из Плеромы»¹. Все это типичная терминология гностиков: отец истины — верховное божество, слово — посланец плеромы (полноты, т. е. полного, абсолютного совершенного бытия). В Евангелии Истины мало от распространенной христианской догматики. Само имя Иисуса упомянуто только четыре раза. Больше всего говорится о слове, которое пришло из божественной сущности, чтобы спасти людей. О земном существовании слова-логоса сказано только, что Иисус «объявил слово» людям и что его смерть означала жизнь для многих. Логос олицетворяет

¹ «Biblical Archeologist», XXIV, 1961, № 1, p. 7—9.

добрую силу. Ему в этом евангелии противопоставляется заблуждение — столь же абстрактное понятие, как и логос. Заблуждение возненавидело Иисуса за то, что тот просветил людей, пребывавших в темноте, и способствовало его смерти. Таким образом, в Евангелии Истины не было идеи смерти Иисуса как искупления за грехи. Гностики объясняли его гибель действием сил зла.

Евангелие Истины написано образным, приподнятым языком: это не обработка различных версий и сказаний, а цельное произведение, написанное одним автором, скорее художественное, чем догматическое. Земную жизнь автор этого евангелия, подобно поэтам, сравнивает с тревожным сном; люди же являются жертвами пустых образов из снов. Они забыли, откуда они вышли (из божественной сущности) и куда они могли бы вернуться. Когда они получают знание — мистический гносис,— они пробуждаются, они вспоминают и освобождаются от ошибок: «Благо человеку, который обрел самого себя и пробудился». Вот, собственно, единственный рецепт спасения, который предлагает Евангелие Истины. Это евангелие является переводом с греческого оригинала, который может быть датирован не позже 175 г. Возможно, оно было написано около 150 г.

Яркий язык, отсутствие чересчур запутанных религиозно-философских построений, характерных для других произведений гностиков, обеспечили этому евангелию сравнительно широкое распространение в сектах гностиков: оно было прежде всего рассчитано на эмоциональное воздействие.

Евангелие Филиппа Евангелие Филиппа¹ носит несколько иной характер: оно было предназначено для более узкого круга читателей. По форме это произведение представляет собой

¹ Это название стоит в конце рукописи. Сама рукопись отно-

набор речений без связного изложения. В нем много места уделено рассуждениям о происхождении мира. Очень ясно в этом евангелии проступает характерный для гностиков дуализм: учение о борьбе доброго и злого начал. Автор Евангелия Филиппа противопоставляет свет и тьму, жизнь и смерть и т. п. Согласно учению этого евангелия, мир, в котором живут люди, не мог быть создан богом. Возникновение материального мира было ошибкой: «Ибо тот, кто создавал его, стремился создать его так, чтобы он был неиспорченным и бессмертным. Но он ошибся и не достиг того, к чему стремился». Кто создатель мира — в евангелии не сказано, зато упомянуты различные «силы», архонты (греч. «власти»), ангелы, которые заполняют разрыв между божеством и миром. Матерью ангелов является София-мудрость. Архонты не создания высшего божества, они служители зла. Архонты хотели запутать людей, так как они видели, что человек сродни истинному добру. Они положили имя добра рядом с именем зла, так что люди запутались и пришли ко злу.

Разделение на добро и зло в Евангелии Филиппа трактуется только в моральном плане; никаких социальных мотивов там нет и в помине. Дуализм, пронизывающий Евангелие Филиппа, носит абстрактный характер. Даже существование мужчин и женщин для автора евангелия тоже выражение извечного, непримиримого разделения, явившегося следствием ошибок при сотворении мира: «Пока Ева еще была в Адаме, не было смерти, когда она отделилась от него, появилась смерть...» Смерть исчезнет тогда, когда Адам и Ева снова станут едины.

сится к IV в., но греческий подлинник, вероятно, тоже был написан во II в. Все цитаты даны по изданию: *J. Leipoldt und H. M. Schenke. Koptisch-gnostische Schriften. Hamburg, 1960.*

Что же должны делать верующие для борьбы со злым началом? Только познавать истину. Но «истина не приходит открыто к миру, она приходит в символах и образах». И гностики, в том числе и автор Евангелия Филиппа, нагромождали эти символы и образы, сами их выдумывая и расшифровывая.

Интересно отношение Евангелия Филиппа к новозаветной легенде об Иисусе. Ко времени написания этого евангелия четыре канонических уже существовали; Филипп специально останавливается на критике некоторых положений, содержащихся в них. Так, египетские гностики выступали против идеи непорочного зачатия: «Говорят одни, что Мария была беременна от святого духа. Но никто не знает, чтобы женщина когда-либо была беременна от женщины...» Эта насмешка основана на том, что в тексте Евангелия Филиппа «святой дух» женского рода, так же как в иудео-христианских сочинениях, подлинники которых были написаны на арамейском языке. Имея в своем распоряжении литературу первых христиан, автор Евангелия Филиппа уличает сторонников легенды о непорочном зачатии в невежестве. Нелепость легенды о непорочном зачатии была ясна даже такому погруженному в мистику гностичу.

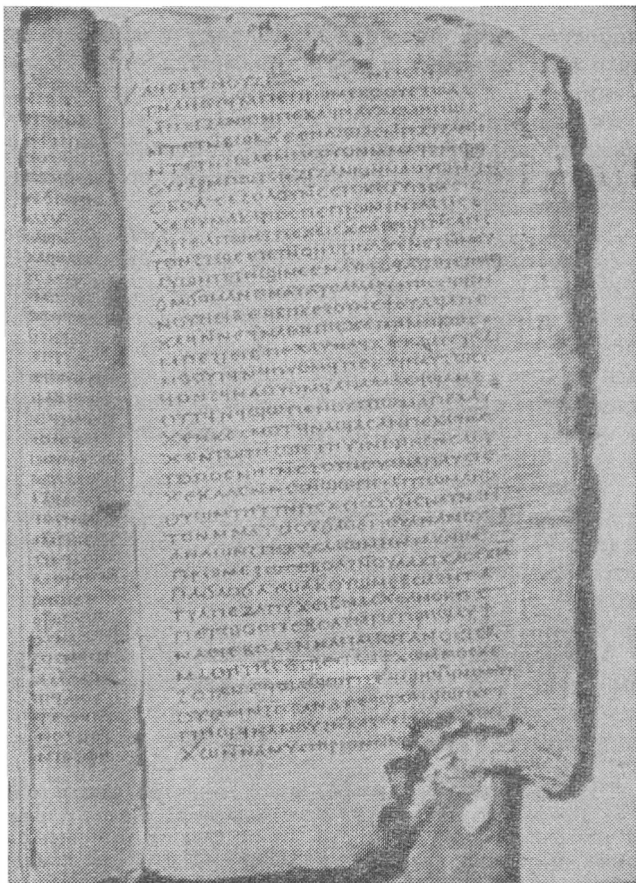
Своеобразно толкуется в Евангелии Филиппа выражение «Иисус Назарей». Прозвище «Назарей» не связывается с городом Назаретом, как в канонических евангелиях; это прозвище объясняется как «принадлежащий истине», так как слово «назара есть истина». Повидимому, автор здесь пользовался тоже какими-то древними христианскими текстами, где не было упоминания города Назарета. Легенда о происхождении Иисуса из этого города не была общепризнанной, и появилась она уже в среде христиан, говоривших на греческом языке, для объяснения непонятого слова «Назарей».

Самому основателю христианства в Евангелии Филиппа уделено мало места. Он выступает как посредник, который пришел в мир, чтобы ликвидировать разделение и в мире и в людях, прежде всего в людях, в их душах. Иисус не человек, а какое-то таинственное существо. Характерно, что гностики не считали имя Иисус его собственным именем: так называли его апостолы («Апостолы называли его Иисус Назарей Христос...»). Логос, принявший человеческий облик, не мог иметь имени, это люди придумывали ему названия.

И Евангелие Истины и Евангелие Филиппа имеют очень мало точек соприкосновения с Новым заветом, и, если бы не имя Иисуса, трудно было бы предположить, что почитатели этих евангелий поклонялись тому же самому спасителю, что и авторы первых трех евангелий канона. Существование подобных произведений только лишней раз указывает на то, какие разнообразные, подчас взаимоисключающие, формы принимала та самая христианская религия, об изначальной цельности которой торжественно заявляют церковники.

Евангелие Фомы Третье евангелие, найденное в Хенобоскионе,— Евангелие Фомы представляет большой интерес именно для изучения и критики официальных христианских источников. Апостолу Фоме повезло: его именем названы целых два евангелия, правда, ни то, ни другое церковь не признала. Об одном из них, посвященном описанию детства Иисуса, будет говориться в следующей главе. Хенобоскионское евангелие ничего общего с ним не имеет. Оно состоит из притч и изречений, часто непосредственно логически друг с другом не связанных. Иногда коротко дается описание ситуации, при которой произносятся речения, приводятся вопросы учеников.

Евангелие Фомы — наименее гностическое из всех

**Еще одно евангелие, открытое археологами в песках Египта
(страница рукописи Евангелия Фомы).**

хенобоскионских рукописей¹. Наряду с чисто гностическими аллегориями² в нем встречаются те же самые изречения, которые приведены в первых трех евангелиях Нового завета. Как и евангелия Истины и Филиппа, это сочинение является переводом на коптский язык с более раннего греческого источника, написанного, вероятно, в самом начале II в.

Евангелие Фомы интересно тем, что оно создавалось приблизительно в то же время, что и канонические, и восходит к тем же источникам. В нем встречаются дословные или слегка отредактированные совпадения и с некоторыми оксиринхскими логиями, не включенными в канон. Это евангелие было одним из самых ранних попыток обработать в духе учения о логосе христианскую традицию. Оно было известно церковным писателям, одно место из него цитирует Ориген.

Начинается евангелие словами: «Это тайные слова, которые живой Иисус сказал, а Дидим Иуда Фома записал». С самого начала в духе гностиков подчеркивается тайность учения Иисуса, который нигде в евангелии не обращается к массам, а только к избранному кругу учеников.

Автор пытается полемизировать с распространенным учением о царстве божьем. Он избегает употреблять это выражение, обычно говорит просто «царство», или «царство отца», или, как в Евангелии от Матфея,

¹ На русском языке разбор этого евангелия сделан в статье: М. К. Трофимова. Из истории идеологии II в. н. э. «Вестник древней истории», 1962, № 4, стр. 67 и след. В настоящей работе перевод изречений сделан с издания: «The Gospel according to Thomas». Leiden, 1959.

² Например: «Если вы выявите то, что есть в вас, то, что вы имеете, спасет вас; если вы не имеете этого внутри себя, то, чего вы не имеете, убьет вас» (70). Здесь выражено учение гностиков о божественном начале, заложенном в избранных людях, которые только и могут спастись.

«царство небесное». Уже в первых поучениях Иисуса, приведенных в евангелии, затрагивается этот вопрос. Автор отрицает вообще какое-либо конкретное царство божье, не только на земле, но и на небе: «Если те, которые ведут вас, скажут вам: царство на небе, тогда птицы будут впереди вас. Если они скажут, оно — в море, тогда рыбы будут впереди вас. Но царство внутри вас и вне вас». В самом конце евангелия снова в уста Иисуса вложены слова о царстве: «Его ученики спросили его, когда придет царство? (Иисус сказал): Оно не придет, когда его ожидают, не скажут, смотри — оно здесь, или — смотри, оно там; но царство отца разлито по земле и люди его не видят». Оба эти изречения явно более позднего происхождения: они были направлены как против наивной веры народных масс в избавление от гнета после второго пришествия, так и против новозаветного учения о воздаянии за гробом. Сами слова «которые ведут» явно намекают на руководителей христианских общин, учивших о существованиирая.

Сам Иисус в этом произведении рисуется неземным, таинственным существом: ученики много раз спрашивают его: «Кто ты?» Интересен один из ответов на этот вопрос: «Если вы не узнаете, кто я, из того, что я говорю, то вы подобны иудеям, ибо они любят дерево, но ненавидят плод его; и они любят плод, но ненавидят дерево». Антииудейский выпад характерен для автора — египетского гностика, который, как и его идейные собратья, отмежевывался от активных выступлений иудейского народа. Своим изречением он хотел сказать, что иудеи совершают бессмысленные поступки.

**Логия
в Евангелии
Фомы**

Когда писалось Евангелие Фомы, египетские гностики еще не отделились окончательно от остальных христианских общин. Первые записи изречений Иисуса были и для них священными. Так же как и

авторы евангелий, впоследствии признанных каноническими, Фома включил в свое сочинение эти изречения, конечно не без некоторого редактирования их в гностическом духе. Вот, например, известное изречение из Нового завета, отражавшее интересы руководителей общин: «Отдавайте кесарево кесарю, а божие богу». (Матфей, гл. 22, ст. 21). По своему социальному содержанию оно устраивало автора Евангелия Фомы, но, по учению гностиков, Христос не бог, а только слово божье, посредник между богом и миром, стоящий ниже бога. Поэтому Фома несколько расширил его: «Давайте Цезарю цезарево, богу — божие, а мне — мое».

Если сравнить те изречения этого евангелия, которые совпадают с оксиринхскими логиями, то также можно заметить переделки: так, у Фомы приведены слова об обязательном отречении от мира и соблюдении субботы для достижения царства. В оксиринхском изречении речь идет о царстве божьем — автор Евангелия Фомы выбросил это определение: он стремился избежать прямых ассоциаций с тысячелетним царством добра и справедливости на земле. Но целиком изъять это изречение, одно из самых древних в христианской литературе, автор все-таки не решился.

Как и в канонических евангелиях, у Фомы приводится часть логия о том, что все скрытое будет открыто, но в ином контексте, чем в логиях и в Новом завете (там речь идет о втором пришествии). Иисус у Фомы предостерегает своих учеников от совершения дурных поступков: все вещи свидетельствуют небу: «Ибо нет ничего скрытого, что не стало бы явным, и нет ничего спрятанного, что не было бы обнаружено». Слова логия о воскрешении всех погребенных, конечно, были им выброшены; в этом отношении Фома солидаризировался с авторами Нового завета: никакого реального воскре-

шения, никакого земного рая — все только в духовном спасении.

Требование первых христиан сделать «нижнее верхним, а верхнее нижним», сформулированное в одном из изречений, приписываемых Иисусу, в Евангелии Фомы тоже приведено, но очень явно и довольно неумело отредактировано: «Когда вы сделаете внутреннее внешним и внешнее — внутренним, и верхнее — нижним и когда вы сделаете мужское и женское одним, так что мужское не будет женским, а женское — мужским, тогда вы войдете в царство». Последняя часть фразы о соединении мужского и женского начала, вероятно, дописана самим автором в стиле гностических учений о разделении в мире. Эта приписка совсем снимает социальный смысл изречения.

Таким образом, автор Евангелия Фомы пользовался теми же записями изречений, якобы сказанных основателем христианства, что и люди, создававшие Новый завет. Он также свободно обрабатывал их. Никакой устойчивой традиции даже во II в. не было: использовались приблизительно одни и те же первые записи изречений, но, конечно, и эти первые записи уже различались между собой, в зависимости от убеждений, социальной принадлежности и стиля каждого переписчика.

Однако, в отличие от Нового завета, который подвергался неоднократным изменениям и редактированию вплоть до канонизации в IV в., Евангелие Фомы в том виде, в каком оно дошло до нас, только первая попытка объединить идеи раннего христианства с мистикой египетских гностиков. Далеко не все притчи и слова Иисуса, взятые им из более раннего источника, Фома сумел и решился отредактировать. Иногда просто наряду с более древним изречением приводится похожее, но уже взятое из писаний гностиков. Так, в этом евангелии есть известные слова: «блаженны преследуемые...

блаженны голодные, ибо их желудки будут наполнены». И в то же время там сказано в чисто гностическом духе: «блаженны одинокие и избранные, ибо вы обретете царство».

**Займствованная
из ранних
источников**

Соединение разнородных источников и идей сделано в Евангелии Фомы искусственно, и можно легко выделить заимствования из ранних христианских источников. Сравнение этих мест с тем, что сказано в канонических евангелиях, дает любопытные результаты. Некоторые изречения у Фомы оказываются гораздо более социально заостренными, чем похожие фразы Нового завета. Автор египетского евангелия не смог (а может быть, и не захотел) отредактировать их так тщательно, как сделали это многочисленные христианские писатели и епископы, через чьи руки прошли четыре евангелия, прежде чем их текст был окончательно объявлен священным.

Вот несколько примеров. У Фомы сказано: «Идите ко мне, ибо иго мое — благо и господство мое кротко, и вы найдете отдых для себя». В Евангелии от Матфея смысл этого изречения изменен благодаря вставке и перестановке слов: «Возьмите иго мое на себя, и научитесь от меня: ибо я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим. Ибо иго мое благо, и бремя мое легко» (Матфей, гл. 11, ст. 29, 30). В первом случае речь идет о кротости господства Иисуса, который обещает отдых людям. Смысл второго — люди сами должны стать кроткими, как Иисус, а покой будет только их душам.

Более подробно и более образно дается у Фомы описание борьбы, которую должен вызвать приход Иисуса. В первоначальном виде это описание относилось ко второму пришествию Христа; гностики могли толковать его как мистическую борьбу добра и зла: «Я пришел,

чтобы внести раздоры на землю, огонь, меч, войну, ибо будет пять в доме: трое будут против двух и двое против трех, отец против сына и сын против отца...»

В Евангелии от Матфея это место звучит так: «...не мир пришел я принести, но меч. Ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее»¹ (гл. 10, ст. 34—35). Ни слова о войне и огне здесь нет. В Евангелии от Луки сказано еще неопределеннее: «Думаете ли вы, что я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение. Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться...» (гл. 12, ст. 51—52).

В этом случае, как и при включении изречений, дошедших до нас на оксиринских папирусах, редакторы евангелий Нового завета последовательно смягчали, затушевывали или снимали совсем те лозунги борьбы, которые могли возникнуть у иудейских бедняков и рабов накануне восстания 66—73 гг., но которые были совсем не по душе епископам II—IV вв.

Интересна в Евангелии Фомы притча о пире, которая в каноническом тексте передана в сокращенном виде. В этой притче рассказывается, как некий человек послал раба позвать гостей на ужин, но все они отказываются: один — потому что вечером должен получить деньги от торговцев; другой — потому что только что купил дом; третий идет на свадьбу к другу; четвертый купил землю и должен ехать собирать доходы... Притча эта в Евангелии Фомы кончается грозным предостережением: «Покупатели и торговцы не войдут в дом моего отца».

¹ Последние слова являются вариациями фразы из Книги пророка Михея (Ветхий завет): «Ибо сын позорит отца, дочь восстает против матери, невестка против свекрови своей» (гл. 7, ст. 6).

Похоже излагается эта история у Луки (гл. 14, ст. 16—24): там тоже гости отказываются прийти на пир из-за покупки земли, из-за покупки волов и из-за свадьбы. Но все это изложено короче, и заключительная фраза (как и в аналогичном месте у Матфея, гл. 22, ст. 2—14) выброшена совсем. Категорическое отрицание возможности войти в рай торговцам и покупателям, конечно, не могло устраивать христианских епископов, охотно принимавших в общины зажиточных людей (вспомним хотя бы Маркиона с его колоссальным денежным вкладом в римскую общину).

Выпады против богатых и власть имущих содержатся и в некоторых изречениях Евангелия Фомы, которые не имеют аналогий в канонических текстах. Например: «Так вот ваши цари и ваши вельможи, они носят на себе мягкие одежды, и они не могут познать истины». Вероятно, это изречение слегка отредактировано автором — вельможи и цари не могут познать истинного божества гностиков; но во всяком случае, эти слова восходят к тем яростным нападкам на угнетателей, которые можно встретить в самых ранних образцах христианской литературы. В другом отрывке подчеркивается тщетность всех усилий, направленных к обогащению: «И Иисус сказал: был богатый человек, у которого было много денег. Он сказал — я использую мои деньги, чтобы засеять, сжать, заполнить мои амбары плодами, чтобы я ни в чем не испытывал недостатка. Вот что он задумал в сердце своем и той же ночью умер. Имеющий уши да слышит».

Первоначальный греческий вариант Евангелия Фомы, по мнению ученых, был написан в начале II в., возможно, даже раньше тех евангелий, которые были включены в Новый завет. Даже те ученые, которые стремятся доказать зависимость Евангелия Фомы от канонических, вынуждены признать большую древность от-

дельных изречений¹. Так же как и оксиринхские логины, Евангелие Фомы позволяет в ряде случаев обнаружить, как переделывали проповедники и руководители христианских общин свои собственные священные книги. И самая глубокая древность и авторство апостолов не могло спасти изречение или притчу от редактирования, сокращения или, наоборот, дополнений в угоду интересам этих руководителей.

Нужно думать, что впереди еще новые и новые открытия древних рукописей, которые будут продолжать разоблачать церковную легенду о божественном происхождении христианской религии.

¹ См. статью: *F. V. Filson. New Greek and Coptic Gospel Manuscripts. «Biblical Archeologist», XXIV, 1961, № 1, p. 18.*

Детство Иисуса

Бог-ребенок

В большинстве евангелий, и канонических и апокрифических, рассказывается о деяниях и поучениях взрослого Иисуса. О его детстве после рождения в Вифлееме новозаветная литература ничего не сообщает. Это и понятно: о реальной жизни своего учителя авторы евангелий ничего конкретного не знали, и различные события приводятся в этих сочинениях только как фон для тех или иных высказываний Иисуса. Только описания смерти и воскресения Христа сделаны достаточно подробно, так как это имело первостепенное значение для доказательства того, что именно Иисус и был мессия.

Когда во II в. в христианские общины помимо евреев стали вступать и другие представители многоплеменного населения Римской империи — греки, италики, галлы, сирийцы и т. п., — они стали наделять нового бога чертами своих древних языческих богов. А эти боги обладали сверхъестественными свойствами с самого рождения: так, в мифе о греческом боге Гермесе, покровителе ремесла и торговли, рассказывалось, как новорожденный Гермес сразу же выказал свою ловкость: он украл трезубец у бога морей Посейдона, лук и стрелы —

у Аполлона. Любимый народный герой греческих мифов Геракл, наделенный необычайной силой, тоже будучи еще в пеленках, задушил двух огромных змей... Иисус-ребенок также должен был проявлять с детства чудесную силу, иначе он не мог считаться богом в глазах суеверных, воспитанных на языческих мифах, людей. Руководители христианских общин в целом благосклонно смотрели на появление новых сказаний о жизни Иисуса: они помогали привлекать новых обращенных из язычников, а также помогали бороться против иудеохристиан с их учением об Иисусе-пророке, а не божге.

Еще одно Евангелие Фомы Со второй половины II в., когда уже были созданы основные евангелия различных борющихся христианских групп, появляются в дополнение к ним описания чудесного рождения и детства Иисуса. Это не евангелия в полном смысле слова, в них нет изложения христианских догматов, нет поучений или дискуссий. Это скорее мифы, сказки, сочетающие описания самых невероятных чудес с отдельными вполне реальными бытовыми картинками (например, игры детей того времени, школы и т. п.).

Одно из таких евангелий детства Иисуса полностью дошло до нас. Автор его назвал себя Фомой, как и автор одного из хенобоскионских евангелий, но ничего общего между двумя этими сочинениями нет. Содержание Евангелия Фомы (рукопись озаглавлена «Сказание Фомы, израильского философа, о детстве Христа») представляет собой рассказ о чудесах, совершенных Иисусом в возрасте от пяти до двенадцати лет. Этот рассказ почти никак не связан с раннехристианской традицией (кроме имен действующих лиц): он является вольной переработкой разных народных сказок и мифов; сам язык Евангелия Фомы близок к языку произведений фольклора.

Основная цель рассказа о детстве Иисуса — представить его всемогущим божеством с самого рождения. Причем Иисус здесь не кроткий, милосердный спаситель. Подобно древним языческим божествам, олицетворявшим грозные силы природы, Иисус в Евангелии Фомы бывает и мстительным, и жестоким, и капризным.

Вот несколько эпизодов из этого евангелия: однажды в субботу маленький Иисус играл с другими детьми на берегу реки. Он сделал ямки на берегу, собрал в них воду и стал лепить из мокрой глины птичек. Один из иудейских жрецов, проходя мимо, рассердился на Иисуса и воскликнул: «Зачем ты делаешь в субботу то, что не положено?» Тогда Иисус хлопнул в ладоши и закричал: «Летите!» — и птицы полетели. На этом чудеса не закончились. Один из мальчиков разбрызгал прутом воду из ямок, тогда маленький Иисус рассердился и сказал мальчику: «Ты высохнешь, как дерево, и не принесешь ни листьев, ни корня, ни плода», — и мальчик сразу высох. Конечно, этот акт мести не вяжется с образом защитника людей, но автора евангелия это не смущает, ведь он имел в памяти столько мифов о жестокости богов. Даже лучезарный Аполлон, греческий бог — покровитель искусства, которому по положению, казалось бы, надлежало быть гуманным, проявлял бессмысленную жестокость. Так, в одном из мифов рассказывается, что жена фиванского царя Ниоба имела четырнадцать детей и очень гордилась ими. Она посмела сравнить себя с Латоной, матерью Аполлона и его сестры — богини Артемиды. В наказание за дерзость Ниобы Аполлон и Артемида перебили всех ее детей. Те же черты жестокости перенесли на Иисуса обращенные в христианство почитатели языческих божеств.

Своенравие и жестокость, согласно Евангелию Фомы, Иисус проявлял и в годы учебы. Отец пригласил к нему

учителя, который начал показывать Иисусу буквы греческого алфавита. Но Иисус не хотел заниматься: он упорно молчал и не желал отвечать на вопросы учителя. Наконец он спросил учителя: «А что такое альфа (название первой буквы греческого алфавита)? Разъясни мне значение альфы, а я разъясню тебе значение беты (вторая буква алфавита)». Учитель, обидевшись, ударил Иисуса по голове. Тогда Иисус проклял его, и учитель упал мертвым.

Не занимаясь с учителями, Иисус проявлял, тем не менее, невероятную ученость: когда ему было двенадцать лет, родители взяли его с собой в Иерусалим. Он не вернулся с ними домой, а отправился в храм и стал там разъяснять «учителям народа и старшинам» закон иудейской религии. Причем эти люди слушали его с благоговением (те самые люди, которые впоследствии, согласно каноническим евангелиям, выступали против него с ожесточенными нападками) и сказали подошедшей матери: «Такой славы, такой доблести и мудрости мы никогда не видели и никогда о ней не слышали».

Подобными фантазиями наполнено все Евангелие Фомы. Автор его мало считается с новозаветной традицией: у героя этого рассказа нет ничего общего с пророком эбионитов; трудно себе представить, что этот тщеславный мстительный божок, став взрослым, добровольно пойдет на мученическую смерть.

Когда христианские епископы устно и письменно стали проповедовать примирение с властями, когда вместо установления царства божьего на земле вознаграждение за все муки обещалось только в потустороннем мире, Иисус в глазах многих рядовых верующих превратился в такое же божество, как и все остальные языческие боги,— могучее, жестокое и непонятное.

**Почему рассказ
о детстве Иисуса
не был признан
священным?**

Отношение к евангелиям детства Иисуса у руководителей церкви было двойственным: они не могли включить их в канон из-за явной фантастичности и позднего происхождения. Эти евангелия не излагали учения Иисуса, не были связаны с традициями раннехристианской литературы. Но церковники не выступали против них с той ожесточенной критикой, которую вызвали евангелия иудео-христиан или гностиков, где расхождения были в самой трактовке догматов новой религии. Евангелия детства были объявлены сказаниями, и верующие могли их читать. И без ореола боговдохновенных все эти сказки делали свое дело: внушали христианам идею изначальной божественности Иисуса, показывали его неограниченное могущество и устрашали неповинующихся. Если от сочинений иудео-христиан до нас дошли в общем жалкие отрывки, то рассказ Фомы о детстве Христа известен в пяти версиях: двух — на греческом, одной — на сирийском и двух — на латинском языке. Подобные сказки негласно популяризировались, так как это было выгодно людям, стоящим во главе церковной организации. И существование их показывает, насколько далеко ушло христианство конца II в. от тех идей, которые когда-то зародились в маленьких палестинских сектах.

Как появился культ богородицы

**Праздники
богородицы** Среди множества православных праздников, справляя которые церковь пытается воздействовать на умы и сердца верующих, большую роль играют праздники в честь богородицы Марии, якобы родившей Иисуса от духа святого. Таких праздников много — 8(21) сентября справляется

рождество богородицы, 21 ноября (4 декабря) — введение Марии во храм, 25 марта (7 апреля) — благовещение, 15(28) августа — усупение (т. е. смерть и воскресение Марии). Особенно торжественно справляются благовещение и усупение — целых десять дней.

Не меньшую, если не большую роль играет культ богоматери-мадонны в католической церкви. В глазах отсталых слоев верующих, особенно женщин, мадонна — защитница слабых, покровительница матерей.

Но каким образом в христианстве появились культ богоматери и праздники в ее честь? Откуда церковники узнали, когда родилась и когда умерла легендарная мать Иисуса?

**Мария
в Новом завете**

Первые христиане в своем учении очень мало внимания уделяли Марии. Эбиониты, отвергавшие саму идею непорочного зачатия, считали, что Иисус стал мессией после крещения, когда его осенил дух святой. В одном отрывке Евангелия евреев Иисус говорит: «Моя мать — дух святой» (поскольку этот дух наделил его пророческими свойствами). Мария у эбионитов — просто земная женщина, жена плотника Иосифа. Для большинства гностиков Марии вообще не существовало, так как они считали Иисуса божеством, принявшим человеческий облик.

В Новом завете Мария тоже не занимает сколько-нибудь значительного места. Правда, женщина, рождающая в муках дитя, предстает в видениях Откровения Иоанна, но ничего человеческого в ней нет: «...Жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на голове ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения» (Откровение, гл. 12, ст. 1—2). Женщина рождает ребенка, «которому надлежит спасти народы жезлом железным». Женщину вту преследует дракон, который хочет вступить в брань

«с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа» (Откров., гл. 12, ст. 17). Описание «жены, облеченной в солнце», как и всех остальных видений в Апокалипсисе, представляет собой аллегорию: нет никаких оснований думать, что здесь автор имел в виду мать Иисуса; ребенок, якобы рожденный ею, не назван его именем. Скорее эта светлая женщина олицетворяет Иудею или Иерусалим, преследуемый драконом — римлянами (Откровение Иоанна было написано как раз во время I Иудейской войны 66—73 гг.), так же как Рим изображен в виде женщины-блудницы, сидящей на страшном звере. Никаких следов почитания именно Марии, матери Христа, в Откровении Иоанна нет. Нет их и в ранних посланиях, приписываемых апостолу Павлу: автор этих посланий представлял Иисуса сыном божьим, сошедшим на землю, а совсем не сыном бедной еврейской женщины, пусть и весьма добродетельной.

В самом раннем из канонических евангелий — Евангелии от Марка нет описания рождения Иисуса, рассказ о нем начинается сразу с прихода Иисуса из Галилеи и крещения его Иоанном. После крещения, именно тогда, когда, по учению первых христиан, Иисус стал божьим пророком, он начал проповедовать. Естественно, поскольку автор этого евангелия не интересуется рождением Иисуса, о его матери там упоминается мало и вскользь.

Только когда, уже под влиянием языческих религий, начала создаваться легенда о богочеловеке, в евангелиях Матфея и Луки в описаниях чудесного рождения Иисуса начинает фигурировать Мария. У Матфея эти рассказы менее подробны, чем у Луки: автор третьего евангелия вводит рассказ о благовещении, т. е. о том, как к Марии явился ангел и объявил, что она зачнет от святого духа. Но о дальнейшей жизни Марии в пе-

риод проповеди Иисуса, во время суда над ним и после казни его в первых трех евангелиях ничего не сказано: мать Иисуса даже не упомянута среди женщин, присутствовавших при распятии. Только в Евангелии от Иоанна Мария, мать Иисуса, оказывается у креста. Иисус поручает ее своему любимому ученику (Иоанну). Этот эпизод явно сочинен автором (или кем-либо из составителей) четвертого евангелия с целью выделить из апостолов Иоанна, от имени которого ведется повествование четвертого евангелия. Вот и все сведения о богородице, которые содержатся в Новом завете. И все-таки культ Марии существует, и торжественно справляются праздники в честь ее рождения и смерти, о которых ни слова нет в боговдохновенных писаниях.

Оказывается, большинство событий из биографии богородицы, по поводу которых установлены церковные праздники, взяты... из апокрифической литературы — литературы, которую сама церковь не рискнула признать священной.

Сказание о детстве Марии

В конце II в., когда появляются евангелия, повествующие о детстве Иисуса, начинают распространяться также и различные фантастические рассказы о его матери. Так как младенца Иисуса с самого рождения его превращали в этих сказках во всемогущее божество, то и его мать должна была обладать чудесными свойствами.

Прежде всего, в сказаниях о матери, написанных в дополнение к каноническим евангелиям, описывались ее детские и девичьи годы вплоть до рождения Иисуса. Всячески подчеркивалось, что Мария с самого начала своей жизни была «избранницей» божьей. Наиболее подробный рассказ о детстве Марии содержится в так называемом Евангелии Иакова, или «Истории Иакова о рождении Марии». Она начинается с описания того, как

престарелые Иоаким и Анна скорбят о своей бездетности. Иоаким в горе удаляется в пустыню пасти стада, а жена его молит бога послать ей ребенка. Наконец появляется ангел, который сообщает, что у Анны родится дочь. Счастливые родители дают обет посвятить дочь богу.

До трех лет Мария росла дома. В три года во исполнение обета Иоаким отвел Марию в Иерусалимский храм, чтобы она там воспитывалась — на этом эпизоде сказания и основан церковный праздник введения во храм (21 ноября). В храме Мария находилась до двенадцати лет. Сами ангелы приносили пищу и кормили ее: будущая богородица не могла питаться обычной, человеческой пищей, она вкушала небесную, как и многочисленные богини, которые пили только особый напиток — нектар и ели особую пищу — амброзию.

Когда Марии исполнилось двенадцать лет, жрецы храма стали раздумывать, что делать с ней дальше. И тут опять на сцене появляется ангел, который приказал созвать вдовцов, чтобы выбрать хранителя Марии. Когда старики-вдовцы собрались, из посоха, с которым пришел плотник Иосиф, вылетел голубь и сел ему на голову. Иосифу вручили Марию, чтобы он охранял ее девственность.

Далее в Евангелии Иакова рассказывается о том, как Иосиф обнаружил беременность Марии, как их вызвали в храм и заставили пройти испытание «водою ревности». Это был древний обычай, восходивший еще к первобытным временам: людям, подозревавшимся в прелюбодеянии, давали выпить воду, смешанную с грязью. Если они безболезненно, без последствий проглатывали эту жижу, значит, они были невиновны. Естественно, в сказании Иакова Иосиф и Мария легко проходят через испытание.

Заканчивается это сказание описанием рождения Иисуса, причем в основу рассказа положены соответст-

вующие места у Матфея и Луки. Только автору сказания показалось, что в этих евангелиях чудес недостаточно, и он их добавил в изрядном количестве. Так, к только что родившей в пещере Марии приходит женщина, по имени Саломея, которая хочет сама удостовериться в ее девственности. В наказание за неверие у Саломеи отсыхает рука... Но тут опять являются ангелы и велют раскаивавшейся Саломее коснуться новорожденного; она берет его на руки и тут же исцеляется. В Евангелии Иакова, как и в Евангелии Фомы, сверхъестественные свойства Иисуса оказались присущи ему с самого рождения.

Церковники не признали Евангелие Иакова боговдохновенным: оно было явно написано позже четырех, признанных церковью каноническими, и слишком вольно передавало рассказ о рождении Иисуса. Но хотя оно, как и евангелие о детстве Иисуса, считалось апокрифическим, церковь не уничтожала его и не препятствовала его распространению. «История Иакова о рождении Марии» дошла до нас на греческом и сирийском языке, кроме того, существовали эфиопская, армянская, коптская, арабская и даже славянская переработки ее. Такие праздники, как рождество богородицы и введение во храм, основаны только на этом апокрифическом сказании.

Автор, выступающий под именем Иакова, доказывал избранность, благочестие и целомудрие девы Марии. Но он еще не рискнул объявить ее саму божеством — это слишком противоречило учению ранних христиан (восходящему к иудейской религии) о едином, всемогущем и всеблагом боге.

О конце жизни Марии ни в сказании Иакова, ни в других сказаниях вплоть до IV в. ничего не было сказано: Мария не была самостоятельной фигурой в системе христианских догматов.

Но в течение III—IV вв. происходит постепенный процесс обожествления матери Иисуса Христа.

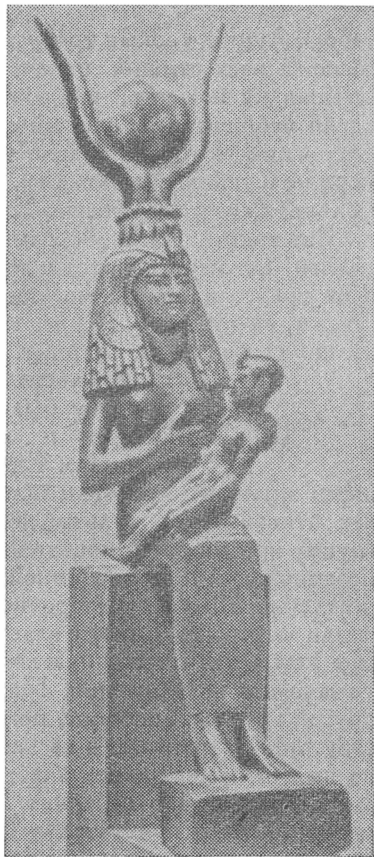
Культы языческих богинь Чем больше вера в Иисуса переставала быть верой в защитника угнетенных, который вернется на землю и уничтожит социальную несправедливость, тем быстрее шло заимствование христианскими проповедниками языческих представлений и обрядов. Это был более простой и менее опасный путь для привлечения верующих, чем непримиримое учение Откровения Иоанна. А среди языческих культов большую роль играл древний земледельческий культ богини-матери, богини плодородия. Вряд ли можно было найти в Римской империи область, где в той или иной форме не почиталось женское божество. В Греции была Деметра, в Малой Азии — Кибела, в Месопотамии — Иштар, в Египте — Исида...

В первые века империи эти древние верования как бы заново возрождаются, особенно среди сельского населения провинций. Крестьяне на последние гроши ставили посвяtitельные надписи «великой матери богов», прося у нее и покровительства, и хорошего урожая. Они инстинктивно противопоставляли свои традиционные культы официальной римской религии, и прежде всего обожествлению императоров, поклонение которым было обязательно для всего населения империи. Сохранить хотя бы свой культ, свои древние обряды — в этом выражалась робкая мечта о независимости у крестьян, особенно в тех глубинных районах Малой Азии, Сирии, где сохранились общины, способные поддерживать местные святилища.

Культы женских божеств проникали и в высшие слои римского общества. Старая римская религия со множеством богов, божков и духов, с примитивной обрядностью, восходящей к глубокой древности, не могла больше удовлетворять римлян. Они тоже искали

новую религию и ждали божественного спасителя — будь то персидский бог солнца Митра, абстрактный логос гностиков или богиня-прародительница.

Особенно был распространен — даже в Италии — культ египетской богини Исиды, по мифу, жены бога Осириса и матери бога Гора. Она обычно изображалась с младенцем Гором на руках, и это изображение легло в основу позднейших икон и статуй богородицы. Римский писатель II в. Апулей в своей знаменитой повести «Метаморфозы» («Золотой осел») подробно описывает культ Исиды. Герой этого произведения — молодой человек Луций с помощью колдовства превращается в осла. Он претерпевает множество приключений, пока наконец Исида не освобождает его. Она является к Луцию и торжественно объявляет: «Вот я пред

За много веков до появления культа богородицы древние египтяне поклонялись Исиде — богине-матери (статуэтка XII в. до н. э.).

тобою, Луций, твоими тронутая мольбами, мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение времен, высшая из божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны небес лазурный свод, моря целительные дуновенья, преисподней плачевное безмолвие» («Метаморфозы», XI, 5).

Вот такими же свойствами великой богини стали разделять некоторые христиане и Марию: она сливалась в их представлении с могущественными женскими божествами, подобными Исиде, культ которых уходил корнями в самую седую старину.

**Спор
о божественности
Марии**

Обожествление Марии далеко не сразу было принято всеми христианами и официально признано церковью. Еще в IV в. между отдельными группами христиан шла борьба по вопросу о том, как относиться к культу девы Марии. Существовала группа противников почитания ее: они считали ее обыкновенной, земной женщиной, которая после чудесного рождения Иисуса (непорочное зачатие в IV в. уже не смели отрицать!) сожительствовала с мужем и имела еще детей, тех самых братьев и сестер Иисуса, которые упомянуты в евангелиях Марка и Матфея. Христиане другой группы, наоборот, поклонялись Марии как божеству: они устраивали в ее честь процессии, молились ей, во имя ее причащались хлебом. Епископ кипрский Епифаний, живший в середине IV в., в сочинении «Панарион» писал о почитателях Марии: «Некоторые безумствующие... стараются ставить ее вместо бога и говорят о ней, увлеченные каким-то безумием и умоповреждением».

Виднейшие руководители церкви, те, которые после признания христианства императорами, по существу, уже диктовали свою волю остальной массе верующих,

подошли к этому вопросу с осторожностью. Они не рискнули сразу принять языческое верование, ставившее рядом с богом-отцом и богом-сыном еще и богиню-мать. Сам Епифаний, чьи писания и в последующие времена пользовались большим авторитетом у служителей церкви, следующим образом высказался о культе деви Марии: «Дева не должна быть предметом поклонения: не следует делать ее богом, нельзя приносить жертв во имя ее. В чести да будет Мария, но поклоняться должно отцу и сыну и святому духу. Марии же никто не должен поклоняться... хотя и весьма прекрасна Мария, и святая, и почтенна, но не для поклонения». В данном случае Епифаний выражал точку зрения руководящей церковной верхушки, которая признавала непогрешимость и девственность Марии и в то же время не рисковала еще окончательно обожествить ее.

В доказательство того, что Мария не является основным лицом в христианском культе, Епифаний ссылается на священное писание: «Пусть исследуют писания, и не найдут там сведений ни о смерти Марии, ни о том, умерла ли она, ни о том, что не умерла, ни о том, погребена ли она, ни о том, что не погребена...»

**Сказание
об успении**

Итак, один из столпов церкви IV в., чьи произведения изучались и цитировались последующими церковными писателями, официально заявлял, что он ничего не знает об обстоятельствах смерти Марии; даже неизвестно, где и как была она похоронена. Но как же тогда быть с успением Марии и вознесением ее на небо? Если в священных писаниях об этом ничего нет, откуда же вывела церковь праздники в память этих событий? Только в конце IV в. появилось сочинение анонимного автора «Об успении Марии». В этом сочинении (к нему лучше всего отнести слово «миф» или «сказание») как раз и рассказывалось о последних годах жизни матери

Христа, ее смерти, вознесении на небо и воскресении. Не связанный никакими раннехристианскими традициями, автор дал полную волю своему воображению и насовал в свое произведение чудес, пожалуй, даже больше, чем авторы других евангелий-сказок.

По этому сказанию, Мария после распятия Иисуса некоторое время жила в Иерусалиме вместе с апостолом Иоанном, затем переселилась в малоазийский город Эфес, где занималась проповедью христианства. Перед смертью она снова вернулась в Иерусалим, где и умерла. Смерть ее, или успение, сопровождалась разными чудесами: Иисус в сопровождении множества ангелов спустился на сверкающем облаке и принял ее душу. К моменту смерти Марии в Иерусалим собрались апостолы, заранее оповещенные ангелами, только апостол Фома не успел прибыть. Апостолы сами похоронили Марию. На третий день после ее смерти в Иерусалим пришел Фома и захотел посмотреть на тело умершей. Когда апостолы по его просьбе открыли гроб, там никого не оказалось. Вечером, когда ученики Иисуса, собравшись все вместе за столом, обсуждали это событие, «отверзлись небеса» и там показалась Мария: как и ее сын, она воскресла в своем человеческом облике.

Сказание «Об успении Марии» явно подгоняет чудесные события, связанные с ее смертью, под евангельский рассказ о воскресении Иисуса: там тоже гроб оказался пустым и тоже он во плоти явился своим ученикам. Автор тем самым хотел показать божественность Марии, ее отличие от остальных, пусть самых святых и праведных, последователей христианства.

**Утверждение
культы Марии**

В IV—V вв. культ Марии побеждает, ее уже начинают называть богородицей или богоматерью — выражение, которое обычно применялось к древним языческим богиням плодородия. Впервые это название появилось в

трудах епископа города Никомедии Евсевия около середины IV в. Но окончательно это определение Марии было принято только в V в., в 431 г., на соборе (съезде епископов) в городе Эфесе, созванном по решению императора Восточной Римской империи Феодосия II.

Центром почитания Марии стал Эфес, где издавна почиталось женское божество Артемиды-Астарта, «мать богов», богиня плодородия. Как писал один из исследователей происхождения культа Марии, А. Дреус, культ древней богини-матери «снова ожил в культе Марии, переименовав только имя и получив христианскую окраску»¹.

Праздники в честь богородицы были введены еще позднее; они были приурочены к местным языческим праздникам: рождество богородицы впервые стало отмечаться с VI в., в дни языческих праздников, связанных с началом нового года (на востоке год начинается с сентября); успение — с конца V в. Праздник успения совпадал с празднованием сирийскими крестьянами окончания уборки урожая.

Таким образом, в основу одного из важнейших культов современного христианства, культа богородицы, были положены языческие верования, а все события ее жизни (кроме брака с Иосифом и благовещения, о которых сообщается в Новом завете) описаны в произведениях, самой церковью признанных апокрифами².

¹ А. Дреус. Миф о деве Марии. М., 1929, стр. 93.

² Обожествление Марии на этом не закончилось. Чтобы как-то привлечь верующих, все больше и больше разочаровывающихся в религии, и создать очередную шумиху, в 1854 г. римский папа Пий IX торжественно заявил, что он внезапно получил «божественное откровение» о том, что якобы Мария тоже была зачата от святого духа и, значит, тоже является богочеловеком в женском обличье. Пий IX никак не объяснил, почему почти девятнадцать

Оправдание Пилата

Пилат
и христиане

Среди фантастических сказаний, при­мыкающих к новозаветной литера­туре и продолжающих ее, особое ме­сто занимают апокрифы, посвященные прокуратору Иу­деи Понтию Пилату. Отношение к Пилату было очень важным вопросом христианской пропаганды II—IV вв. Защищая свое учение перед императорами, а в начале IV в. уже подготавливая союз с ними, руководители хри­стианских организаций стремились снять всякую вину за смерть Иисуса с наместника, посланного в Иудею рим­ским правительством. Первоначально — и это видно в канонических евангелиях — Пилат рисовался человеком, вынужденным отдать Иисуса на растерзание иудеям. Его позиция была в какой-то мере пассивной. Но впоследст­вии и это не удовлетворило церковников. Им было важно показать, что римский чиновник не только не ви­новен в смерти Иисуса, но в глубине души сочувство­вал ему, пытался спасти его, признавая его сыном божьим.

И вот в течение II—IV вв. получило распро­странение довольно большое количество фальшивок, которые имели своей целью документально доказать сочувствие Пилата Иисусу. Церковники не признавали официально подлинность подобных сочинений, но не препятствовали их переписыванию и даже в случае необходимости цити­ровали их.

веков небеса молчали и не сообщали своим служителям о столь важном чуде.

Папа и его советники надеялись создать большую популярность культу Марии, но в середине XIX в. догмат о непорочном зачатии вряд ли мог приниматься кем-либо всерьез, кроме самых невеж­ственных людей. И хотя догмат о непорочном зачатии Марии был официально принят католической церковью, для масс верующих «откровение», полученное папой, прошло почти незамеченным.

Донесение
Пилата

Каким же образом лучше всего было обелить Пилата? Конечно, добыв его собственноручное описание событий в Иудее. И такие описания были созданы. К началу III в. среди христиан ходило в списках поддельное донесение Пилата императору Тиберию (оно до нас не дошло). Позднее было создано письмо Пилата императору Клавдию, царствовавшему уже после того, как Пилат за свою жестокость был отрешен от должности прокуратора, — но авторов фальшивки мало интересовала подлинная хронология. Все донесение написано в христианском стиле: Пилат коротко пересказывает евангельскую легенду, называет Иисуса посланником бога, предсказанным пророками. Во всем, конечно, виноватыми оказались иудеи: «Иудеи видели, как он слепых делал зрячими, прокаженных — чистыми, как он врачевал расслабленных, изгонял из людей демонов, воскрешал даже мертвых, повелевал ветрами, шествовал сухими ногами по волнам морским и совершил много других чудесных знамений (здесь дан перечень всех чудес Иисуса, которые упоминаются в четырех новозаветных евангелиях — автор прямо оттуда и взял их). И так как народ иудейский называл его сыном божьим, то возненавидели его иудейские первосвященники, схватили его и предали его мне. Измышляя ложь на ложь, они сказали, что он волшебник и поступает против их закона»¹. Дальше в письме рассказывается, что Пилат отдал Иисуса «на усмотрение» иудеев (это самое скользкое место для защитников Пилата, поэтому в письме о решении Пилата говорится только в одной фразе). После воскрешения Иисуса иудеи якобы подкупили стражу, чтобы та обвинила учеников Иисуса в похищении тела, но римские

¹ См. С. А. Жебелев. Евангелия канонические и апокрифические, стр. 96—97.

легионеры были столь благородны, что «не могли молчать»,—они свидетельствовали о воскрешении. Кончается эта грубая фальшивка словами: «Я доношу тебе обо всем этом, чтобы не распространилась какая-либо ложь и чтобы ты не подумал, что следует верить живым иудеям».

Евангелие
Никодима

Этой подделки ревностным защитникам римских властей показалось мало. Вероятно, в III в. было создано Евангелие Никодима, которое дошло до нас в более поздней латинской рукописи. Первая часть этого евангелия называется «Воспоминание о господе нашем Иисусе Христе и его деяниях, имевших место при Понтии Пилате». Вторая часть, «Сошествие Христа в ад», содержит совершенно фантастический рассказ о путешествии Иисуса в ад, где он схватил сатану и приказал заковать его. Эти две части никак не связаны между собой; они были, по-видимому, случайно объединены вместе каким-то переписчиком.

Первая часть посвящена подробному, гораздо более подробному, чем в Новом завете, рассказу о суде над Иисусом. Основное внимание уделено допросу Пилатом Иисуса. Автор старательно показывает, как благожелательно прокуратор Иудеи был настроен к Иисусу; он дал возможность высказаться всем людям, которые защищали Иисуса. Когда иудеи, слушая этих свидетелей, «гневались и скрежетали зубами», Пилат говорил им: «Чего вы скрежете зубами, услышав правду?»¹ Остается неясным только, почему Пилат, выступавший в роли чуть ли не защитника Иисуса, не прибегнул к самой простой мере: своей властью (а власть была у него почти неограниченная) не освободил Иисуса? Здесь у

¹ См. С. А. Жебелев. Евангелия канонические и апокрифические, стр. 100.

авторов подобных сочинений концы с концами не сходятся, и, чтобы как-то затушевать эту несообразность, они стараются как можно ярче описать неистовство иудеев.

Кульминационным пунктом в рассказе Никодима является описание самого главного чуда, происшедшего во время суда: когда Иисуса ввели на допрос, знамена, которые держали римские легионеры, согнулись и поклонились Иисусу. Автор Евангелия Никодима всячески расцвечивает этот рассказ: знамена кланяются и тогда, когда сами иудеи берутся их держать. Итак, не только римский прокуратор сочувствовал Иисусу, но и римские военные знамена сами собой склонились перед Иисусом. Никакой розни между римлянами и Иисусом не было и не могло быть — вот основная идея Евангелия Никодима.

Созданные слишком поздно по сравнению с литературой, включенной в Новый завет, эти сочинения не могли быть признаны церковью боговдохновенными писаниями апостолов, но они безусловно сыграли свою роль в идеологической подготовке союза церкви с императорской властью. И кто знает, не скрывался ли под именем Никодима какой-нибудь влиятельный епископ Рима, Милана или Лиона — один из тех, что в начале IV в. вел переговоры с императором Константином об официальном признании христианской религии?

Все эти неканонические евангелия, созданные с конца II по IV в., хотя и не были признаны церковью священными, наложили свой отпечаток на христианскую догматику. Они ярко характеризуют эволюцию христианства, заимствовавшего множество представлений из древних языческих религий и полностью отказавшегося к IV в. от первоначальных демократических идеалов.

ЧТО ДАЮТ АПОКРИФИЧЕСКИЕ ЕВАНГЕЛИЯ ДЛЯ КРИТИКИ НОВОГО ЗАВЕТА

Итак, четыре евангелия, которые почитают все верующие в Иисуса Христа, только небольшая часть древних писаний, излагавших его учение и рассказывавших о его жизни. Все эти писания одинаково фантастичны, наполнены всевозможными чудесами; одни считали, что в Иисуса вселился святой дух, вторые — что он родился от святого духа, третьи — что он сам был духом, сошедшим на землю и принявшим человеческий облик. Для нас эти споры кажутся одинаково нелепыми. Но знакомство с евангелиями, отвергнутыми церковью, помогает развенчать легенду о божественном откровении, каким якобы явилось учение Иисуса Христа.

Что же дают апокрифические евангелия для критики официальной христианской догматики?

Прежде всего, обилие сочинений, противоречащих друг другу, ясно показывает, что единого, стройного учения у христиан вообще никогда не существовало.

Под именем Иисуса Христа почитался и пророк, и богочеловек, и отвлеченное понятие вроде слова божьего — логоса.

Существование евангелий, отвергнутых церковью, рассказы, содержащиеся в них, подрывают авторитетность свидетельств Нового завета, по-новому раскрывают историю раннего христианства.

Четыре боговдохновенных евангелия не только не были единственными, но они не были и самыми ранними среди христианской литературы. Евангелия иудео-христиан (такие, как евангелия эбионитов и, возможно, Евангелие Петра), а также записи изречений Иисуса были созданы до оформления канонических евангелий. Учение первых христианских групп существенно расходится с тем, что передают в Новом завете ближайшие ученики Христа.

После кумранских открытий большинство ученых считает эбионитов наиболее ранней христианской сектой, существовавшей еще внутри иудаизма. Расхождения между евангелиями этих иудео-христиан и евангелиями Нового завета идут по следующим линиям:

I. Иисус — сын божий или человек?

Анализ древнейших христианских произведений (не только Евангелия эбионитов, но и Дидахе и Откровения Иоанна) показывает, что учение о богочеловеке отсутствовало у христиан I в. н. э.

II. Соблюдать или нет обряды иудейской религии?

Вопрос об обрядности ко II в.— особенно в связи с восстанием Бар-Кохбы — перерос в вопрос об отношении к иудейскому народу вообще. Если в евангелиях иудео-христиан и в оксиринских логиях соблюдение обрядов иудаизма, в частности празднование субботы, являлось обязательным требованием для всех христиан, то авторы Нового завета не только отказываются от этих требований, но и стараются отмежеваться от иудеев. Наиболее ярким примером этого стремления

может служить описание суда над Иисусом, сделанное вопреки истории и логике. Оправдание Пилата, одного из наиболее жестоких римских правителей, преследовало сразу две цели: примирение с римскими властями и обвинение иудеев в смерти Христа.

III. Должен ли христианин отказываться от богатства?

Вопрос этот решается по-разному и в произведениях Нового завета. Но в целом при сравнении с Евангелием евреев, Дидахе, а также с некоторыми древними изречениями из хенобоскионского Евангелия Фомы можно заметить, что проповедь бедности, враждебное отношение к вельможам выражены в них определеннее, чем в евангелиях Нового завета.

IV. Что такое царство божье и где оно находится?

У ранних христиан, как это видно из изречения об изобилии, приведенного Папием, из логия о воскресении мертвых, из Откровения Иоанна и ряда других сочинений, было твердое убеждение, что второе пришествие близко и, когда оно свершится, все угнетатели будут наказаны, а на земле восторжествует царство справедливости. В наиболее раннем евангелии Нового завета, от Марка, представление о вознаграждении на земле еще сохраняется. Но в последующих евангелиях оно заменяется учением о загробном воздаянии, как это наглядно показывает вставка в «разговор с богачом» в Евангелии от Матфея (гл. 19, ст. 21). Гностики идут еще дальше: они вообще отвергают идею воздаяния, рая и т. п. Царство божье для них повсюду, человек только должен открыть его в себе. Именно под влиянием гностиков в четвертом евангелии Нового завета появляется фраза: «Царство мое не от мира сего» (Иоанна, гл. 18, ст. 36).

Таким образом, по важнейшим вопросам вероучения авторы Нового завета отошли от учения первых христианских групп, которые, казалось бы, должны были наиболее точно передавать содержание проповедей своего основателя. Но земные интересы оказались для христианских епископов важнее всех авторитетов. Сравнивая тексты Нового завета с аналогичными или похожими местами тех сочинений, которые были созданы раньше канонических, можно увидеть следы неоднократного редактирования. Особенно наглядно это прослеживается на Евангелии от Матфея, которое оказывается наиболее близким к евангелиям иудео-христиан. Авторы и редакторы, переписывавшие, переводившие на различные языки Римской империи и распространявшие это евангелие, заимствовали отдельные рассказы и изречения у эбионитов и близких к ним групп, но сокращали их, вставляли новые фразы, меняли смысл — прежде всего для того, чтобы смягчить выпады против богатых и власть имущих.

В течение II в., приблизительно в то самое время, когда оформлялись евангелия Нового завета, складывались и евангелия гностиков. Анализ Евангелия Фомы из Хенобоскиона показывает, что автор его пользовался теми же источниками — записями изречений Иисуса, что и авторы канонических евангелий. Точно так же, как эти авторы, «Фома» переделывал логики по своему вкусу: никакой устойчивой традиции, одинаковых общепризнанных текстов записей изречений не существовало и в начале II в.!

Хотя писания гностиков были отвергнуты на церковных соборах IV—V вв., влияние гностиков на окончательный текст священного писания было очень велико, особенно на Евангелие от Иоанна и на послания, написанные от имени апостола Павла. Только гностик мог написать, что Христос сделался «подобным чело-

векам» (Филипп., гл. 2, ст. 7). Ведь именно гностики отрицали человеческую сущность Иисуса и говорили, что он лишь принял подобие человека. Может быть, эта фраза принадлежит Маркиону (мы знаем, что он приложил руку к редактированию апостольских посланий). И хотя церковь объявила его еретиком и отступником, часть его правки тем не менее осталась в боговдохновенных книгах.

Оформление христианского культа не закончилось с распространением новозаветных евангелий. Вплоть до конца IV в. появляются различного рода апокрифы, развивающие легенды об Иисусе; складываются легенды о его матери. Для всех этих поздних апокрифов характерны заимствования из языческих религий, мифов, преданий, связанных с почитанием тех самых идолов, вера в которых вызывала такое возмущение у раннехристианских проповедников.

Церковь не включила в канон евангелия, посвященные описанию детства Иисуса, жизни и смерти богородицы, однако именно на основании этих непризнанных книг создался культ богородицы с многочисленными праздниками в ее честь.

Впитавшее в себя самые разные, иногда взаимно противоречащие, черты иудейского мессианизма, восточных, особенно египетских, культов, греко-римской философии, христианство никогда не было чем-то однородным. И на протяжении всей своей дальнейшей истории оно продолжало приспособляться к нуждам господствующих классов — сначала рабовладельческого, затем феодального и, наконец, капиталистического общества.

Разоблачение учений христианских церквей всех направлений — и православной, и католической, и протестантской, — всех сект и группировок, которые независимо от разногласий проповедают веру в божественного

спасителя, является одной из важнейших задач правильного воспитания на современном этапе. Противоречия между многочисленными евангелиями, несоответствия внутри них наглядно показывают, что христианская религия не плод какого-либо откровения свыше. Она создана людьми и отражает их чаяния, надежды, их бессилие перед социальным гнетом.

СОДЕРЖАНИЕ

КАНОНИЧЕСКИЕ СВЯЩЕННЫЕ КНИГИ И АПОКРИ- ФИЧЕСКИЕ ЕВАНГЕЛИЯ	3
Священные книги христиан	—
Разделение христианской литературы на каноническую и апокрифическую	11
ИУДЕО-ХРИСТИАНЕ И ИХ ЕВАНГЕЛИЯ	19
Иудейские секты	—
Первые христиане	27
Бог или пророк?	40
«ИЗРЕЧЕНИЯ ИИСУСА»	48
Первые проповедники	—
Записи изречений Иисуса	52
Логии из Оксирина	55
Как создавались логии	63
ЕВАНГЕЛИЕ ПЕТРА, НЕ ПРИЗНАННОЕ ЕГО ПРЕ- ЕМНИКАМИ	68
Апостол Петр и его писания	—
Отрывок из Ахмима	70
Сын Звезды	75
Где было написано Евангелие Петра	78
ХРИСТОС-ЛОГОС	82
Маркион	—
Учения гностиков	87

ЕВАНГЕЛИЯ ИЗ ХЕНОБОСКИОНА	97
Египетские гностики	—
Новооткрытые евангелия	102
ПОСЛЕКАНОНИЧЕСКИЕ ЕВАНГЕЛИЯ	116
Детство Иисуса	—
Как появился культ богородицы	120
Оправдание Пилата	132
ЧТО ДАЮТ АПОКРИФИЧЕСКИЕ ЕВАНГЕЛИЯ ДЛЯ КРИТИКИ НОВОГО ЗАВЕТА	136

Свенцицкая Ирина Сергеевна.

ЗАПРЕЩЕННЫЕ ЕВАНГЕЛИЯ. М., Политиздат,
1965.

143 с. с илл.

2

Редактор С. Никоненко

Художественный редактор *Г. Семиреченко*

Технический редактор *А. Данилина*

Сдано в набор 10 декабря 1964 г. Подписано в печать 2 февраля
1965 г. Формат 70×108¹/₂. Физ. печ. л. 4¹/₂. Условн. печ. л. 6.165.
Учетно-изд. л. 5,76. Тираж 56 тыс. экз. А 02822.
Заказ № 2746. Цена 13 коп.

Работа объявлена в Т. п. 1965 г., № 181.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.

13 коп.

